

№7

Июль 2024

РУССКИЙ КЛУБ

85

Фото: Бадри ВАДАЧКОРИЯ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректура
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№7 (225)
Июль 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «Я ЗНАЮ, ДОБРО ВОСТОРЖЕСТВУЕТ»
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 12 ДВЕ ПОЛОВИНЫ ЯБЛОКА
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 16 ИМПРОВИЗАЦИИ МАРКА ПОЛЯКОВА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 НАСЛЕДИЕ МАСТЕРА
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 23 ШИРВИНДТ – ДРУГ. СПАСИБО, ЧТО ВЫБРАЛ
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 28 ЮБИЛЕЙ МОСКОВСКОГО «БОЛЬШОГО ВАЛЬСА»
ВЛАДИМИР ТАВАДЗЕ
- 34 ПЕЛЕ МИРОВОГО ГАНДБОЛА
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 36 СОКРОВИЩЕ ГРУЗИНСКОЙ СЦЕНОГРАФИИ
ИННА БЕРИДЗЕ
- 40 «ЭТО АБСОЛЮТНО НЕЗАБЫВАЕМО!»
ХАННА ПЕНМАН
- 42 УБИЙЦА
БЕКА КУРХУЛИ
- 49 ОН БЫЛ ВЕЛИК ВО ВСЕМ
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
- 50 ЛЮБОВЬ И РАЗЛУКА
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке – ИРАКЛИЙ КВИРИКАДЗЕ
Фото: POSTNIKOV'S СТУДИЯ

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

195 ЛЕТ АККОРДЕОНУ

Кто из нас не знает губной гармошки? Когда мы были маленькими, нам часто дарили этот незатейливый музыкальный инструмент. И было очень здорово взять гармошечку в руку и быстро подуть в нее справа налево, а потом слева направо, и получалось вриу-вриу. Но некоторые очень способные к музыке дети соображали, что если дуть в каждую отдельную дырочку губной гармошки, то будет один звук, а если втягивать воздух в себя, то в той же дырочке будет другой. И если запомнить, в какой дырочке какой звук, то можно даже выдуть несложную мелодию. Потому что губная гармошка не просто игрушка, а настоящий музыкальный инструмент. Внутри него находятся металлические язычки. Это называется язычковый музыкальный инструмент. И внутри всех гармоней, аккордеонов, концертин и бандонеонов находятся язычки, как и на простенькой губной гармошке. Только их устройство очень навороченное. История таких инструментов уходит далеко в века. Еще древние китайцы придумали

вставлять в отдельные камышовые трубочки маленькие язычки, собирали их вместе и дули в них по очереди, выдувая мелодию, как в флейте Пана. Но прошли века, и какая-то умница придумала приделать к язычкам меха, не дуть самому, а рукой накачивать воздух, а заодно и клапаны, чтобы все язычки звучали не одновременно, а строго по порядку. Вот и все устройство. Так вот, самый сложный из ручных духовых язычковых инструментов – это знаменитый аккордеон. Его запатентовал в 1829 году талантливый венский органый мастер Кирилл Демиан, происходивший из древнего румынского городка Герла, где с XVI века поселились выходцы из Киликийского королевства. Ему в руки попала простенькая духовая гармоника, которую он решил улучшить и видоизменить. Мастер разделил корпус инструмента на две равные части, поместил на них клавиатуры для левой и правой рук и соединил половины мехами. Для правой руки он сделал клавиши, как у фортепиано, а в левой части были кнопки. Поэтому на правой клавиатуре аккордеона играют мелодию, на левой – аккомпанемент. Вот так появился знаменитый и популярный инструмент, который несложно взять в дорогу, а играть на нем можно не примитивные музыкальные произведения, а полнозвучные и богатые. Его любят за то, что, как говорил кто-то из мудрецов: «Аккордеон позволяет озвучить любое человеческое чувство – от безысходной тоски до ликующей радости».

ИСТОРИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЗНАКА РАВЕНСТВА

Все, изучающие математику со времен школы, сталкиваются с общепринятыми математическими символами, со всеми плюсами, минусами, знаками корня и равенства, степенями и дробями. А ведь, представьте, когда-то этого не было. И все математические действия описывались словами. Например, простенькая школьная задачка звучала примерно так: «взять число 32 14 раз и поделить его на 5 и прибавить к полученному 8 и три четверти, это будет...». Дру-

гими словами, это звучало очень-очень непросто и жутко сложно для восприятия. И тогда математики начали придумывать упрощающие знаки. Все новшества приветствовались. Так появились знаки умножения, деления и прочее, прочее, прочее. Об одном из таких знаков, о знаке равенства, мы сегодня и вспоминаем.

Жил-был в XVI веке валлийский математик Роберт Рекорд, но был он дипломированным врачом, чем и зарабатывал себе на жизнь. Родился Рекорд в уважаемой семье, и родители отправили его учиться на математика в Оксфорд, а после – изучать медицину в Кембридж. Роберт успешно сочетал занятия обеими профессиями – лечил людей, включая королевскую семью, и преподавал в Оксфорде математику. Он одним из первых начал писать математические работы на английском языке вместо латыни. И, естественно, как всякий нормальный преподаватель, пытался своим студентам объяснять мак-

симально доходчиво и понятно. И, в частности, часто использовал удобные математические символы. Так однажды он решил ввести в обиход простой и понятный знак равенства. Поначалу Рекорд использовал для этого букву Z, но решил, что в таком знаке мало смысла. В его остроумной книге для изучающих математику «Оселок остроумия» 1557 года, которую он написал в форме разговора между учителем и учеником, местами даже в стихах, было сказано: «И чтобы избежать утомительного повторения этих слов: «является равным», я буду рисовать, как часто делаю в рабочем обиходе, пару параллелей, или линий-близнецов одной длины =, ибо никакие две вещи не могут быть более равными». Но, хоть две параллели были явно удобнее, прошло больше ста лет, пока его не приняли другие математики – сначала Рене Декарт, затем основоположник символической алгебры Франсуа Виет, а окончательно утвердил для всех

математиков на рубеже XVII-XVIII веков Готфрид Вильгельм Лейбниц. Что же касается судьбы Роберта Рекорда, то она была незавидной, его оклеветал политический противник, и он был невиновным брошен в долговую тюрьму, где и окончил жизнь. А еще он придумал устрашающее слово «zenzizenzike», что означает «квадрат квадратов в квадрате», или икс в восьмой степени, и был одним из первых последователей учения Николая Коперника.

ХЭМУ 125 ЛЕТ

Это был гениальный писатель. И еще – военный корреспондент, путешественник, охотник, рыбак и воин, а также настоящий мачо, интересней мужчина-любимец женщин и, как писали братья Жемчужниковы и Алексей Толстой, «многих жен супруг». Друзья называли его просто Хэм, а на Кубе, где он любил жить, Папой. Он был лихим, рискованным и безбашенным человеком, который всегда умел выбираться из суровых переделок. Его считали живучим, везучим и неуязвимым. Но ему и доставалось немало: он перенес пневмонию, сибирскую язву, рак кожи, гепатит, диабет и малярию. А во время Первой Мировой Хэм, служивший военным медиком, спасая раненого солдата, тащил на себе его ползком, но попал под огонь минометов. В госпитале из него долго извлекали более тридцати осколков и заменили родную коленную чашечку на алюминиевую. Хэм еще не раз бывал под огнем, разбивался в автомобилях, горел в лесных пожарах и попадал в авиакатастрофы. А еще неоднократно бывал ранен на охоте, в окопах под артобстрелом и во время корриды. Пережил, к счастью, не одновременно, разрыв почки и селезенки и даже перелом основания черепа. Другими словами, из-за такой жизни на нем буквально не было живого места. Так-то, граждане! А еще Папа прилично выпивал, не отказывал себе в этом мужском

удовольствию. До литра рома или виски в день. Но при этом, строго с шести утра до часа дня, ежедневно и без выходных, Хэм писал романы, стоя за своим секретером. Именно стоя, ибо считал, что сидя расслабляется и ничего путного не придумывает. Писал он только карандашом, а потом сам двумя пальцами перепечатывал написанное за день на машинке. Печатал со скоростью пулемета. Надо отдать ему должное, несмотря ни на что, Хэм был настоящим тружеником и строго выстраивал графики литературной работы, скрупулезно подсчитывая число строк и слов в день. При этом в ночь Папа частенько уходил на маленькой яхте на рыбную ловлю со своим верным другом – прототипом рыбака Сантьяго из романа «Старик и море». И хотя его с нами нет больше шестидесяти лет, имя Эрнеста Хемингуэя, которому 21 июля исполняется 125 лет со дня рождения, знает даже мало читающая современная молодежь. А уж в лицо его знают буквально все, благо его фотография в свитере и с бородой постоянно тиражируется и популярна не меньше, чем портрет в берете со звездой его доброго знакомого – команданте Че Гевары.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ В ИЮЛЕ:

Штурм Иерусалима. В день 14 июля 1099 года армия крестоносцев из 1300 рыцарей и 12 000 пехотинцев под предводительством французского герцога Готфрида Бульонского взяла штурмом легендарный Город трех религий Иерусалим – главную цель Первого крестового похода. Они освободили Гроб Господень. Правда, всего на 88 лет, пока султан Саладин не отбил его обратно.

Взятие Бастилии. Также 14 июля, только много позже, в 1789 году, в Париже восставший народ по призыву пламенного Камилля Демулена взял штурмом знаменитую городскую твердыню Бастилию, где была государственная тюрьма, а также арсенал и, по слухам, королевская казна. Охраняло ее небольшое подразделение солдат-инвалидов, которые были жестоко растерзаны разъяренной толпой вместе с несчастливым комендантом. Оружия в арсенале оказалось мало, никакой казны не обнаружилось, зато были освобождены абсолютно все заключенные – семь арестантов. Один из них был сумасшедшим, а пятеро – фальшивомонетчиками, которых пришлось через несколько дней снова поймать и посадить, во избежание государственного ущерба. Серьезной пользы от взятия Бастилии не было, зато какой был PR! Крепость разрушили до основания

и на образовавшейся площади выставили табличку «Теперь здесь танцуют».

Полтавская битва. В 1709 году шведский король Карл XII вторгся в пределы России. Он решил вести свою армию через Украину на Москву с юга, и в этом была его главная ошибка. Русский царь Петр собрал войска и повелел создавать укрепления по всему предполагаемому пути следования шведов. Даже в Москве вырыли ров вдоль стен Кремля. Но Карлу не везло – неблагоприятные климатические условия и сильные дожди. Плюс его тылы постоянно атаковали отряды казаков и калмыков. К моменту, когда шведская армия подошла к Полтаве, сам Карл был ранен, а его армия потеряла треть. К апрелю шведы приступили к осаде Полтавы, которую успешно защищал гарнизон в составе всего 4,2 тысяч солдат и 2,6 тысяч вооруженных горожан под руководством полковника Келина. Подошедший с войсками Петр решил на генеральное сражение севернее Полтавы, у деревни Петровка. В результате блестящей победы русских в Полтавской битве армия Карла XII практически перестала существовать. Король вместе с украинским гетманом Мазепой, предавшим Петра и перешедшим на сторону шведов, бежал в Бессарабию. Победа под Полтавой ознаменовала собой коренной перелом в ходе многолетней изнурительной Северной войны и предредила ее исход в пользу России.

Первая высадка на Луну. 19 июля 1969 года американские астронавты Нил Армстронг и Базз Олдрин впервые в истории человечества ступили на поверхность другой планеты. Их посадочный модуль «Орел», отстыковавшись от космического корабля «Аполлон 11», прилунился в море Спокойствия. Это было великое достижение мировой науки и техники. Правда, почему-то некоторые не верят в подлинность полета на Луну, хотя специалисты в космической области и даже советские космонавты, с легкой завистью, но и с пожеланием удачи коллегам, наблюдавшие за высадкой в прямом эфире, утверждали, что симуляция высадки обошлась бы Штатам гораздо дороже реального полета. Но упрямы все равно не верят, невзирая на снимки лунной поверхности, сделанные индийским зондом со следами пребывания американских экспедиций. Ну и пусть. А стартовые ступени, оставленная аппаратура и даже дорожки следов астронавтов все же есть и никуда не денутся, ибо на Луне нет ни атмосферы, ни ветров, ни дождей, ни штормов.

«Я ЗНАЮ, ДОБРО ВОСТОРЖЕСТВУЕТ»

— Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Без пятнадцати лет век. Он мысленно оборачивается назад: видит себямышленным мальчиком, которого бабушка усердно учит читать, в воспоминаниях проносятся все случайные неслучайности, ВГИК, страсть к кино и историям — рассказанным и написанным на бумаге, в сценариях, в книгах. Историям, живущим в сердцах многочисленных почитателей его таланта. Он невероятно интеллигентен, скромнен и безумно интересен. Грузия, Россия, США, Европа — где он только не жил, не писал, не снимал, не творил. И все же чувствует — чего-то недописал, недоснял, недоделал...

Выдающемуся грузинскому кинорежиссеру, автору фильмов «Кувшин», «Городок Анара» и «Пловец», известному сценаристу, писателю и педагогу Ираклию Квирикадзе исполняется 85 лет. О том, кто привел его в мир кино, над каким из его фильмов хохотала Софи Лорен, как его картина чуть не получила «Оскар» и где живет Бог, Ира-

клий Михайлович рассказал нам при личной встрече в Тбилиси.

— *Ираклий Михайлович, спасибо за встречу! Журналисты охотятся за вами особенно жадно. Если не ошибаюсь, до ВГИКа вы окончили журналистику?*

— Не окончил. Я сбежал.

— *А почему вообще пошли в журналистику?*

— Из-за любви к литературе, которую воспитала во мне моя бабушка. Она была русская, из Ивановской губернии — Екатерина Григорьевна Бухарова. Вышла замуж за грузина, Миндадзе. Работала ткачихой. Вскоре наступил голод, и она с подругой попала в Баку, в котором тогда был нефтяной бум и — много возможностей, как сейчас, предположим, в Дубае. Нефть, промыслы! Мой дедушка нефтью не занимался, но был очень богатым человеком. Владел рыбным промыслом: осетрина, красная рыба, икра. Поставлял рыбу самому русскому императору. У нас даже дома визитка была: «Поставщик красной рыбы Его Императорского Величества Да-

вид Алексеевич Миндадзе». Бабушка была очень начитанной, интеллектуально развитой. Ткачиха, но в Баку у нее составилась огромный круг знакомств в литературном, театральном мире. Бабушка учила меня читать с пяти лет, читать по-русски. Грузинский мир был русским. Читать по словам я научился по «Евгению Онегину». С Пушкиным у меня вообще особенная связь. С ним связана одна история. У бабушки была книга стихов Пушкина в одном томе. Гигантский сборник, изданный в 1937 году, к столетию смерти поэта. В ней было много хороших иллюстраций. Я очень любил ее листать. И боялся только одной иллюстрации, к пушкинскому «Утопленнику»: «Тятя! тятя! наши сети притащили мертвеца». Там был нарисован мертвец, который стучался в окно. И я маленький, пяти-шестилетний, боялся этой страницы. Я всегда знал, когда она приближалась, и все время закрывал глаза. А если случайно открывал книгу в этом месте и видел мертвеца, страшного, всего в тине, то визжал. И однажды я позволил себе жуткую вещь: вырвал эту страницу. Прошли годы. Случилось так, что бабушку ограбили, украли очень многое. Особых ценностей никаких не было (во время войны

все ушло в Торгсин), но пропала эта юбилейная книга Пушкина, для того времени драгоценная. И вот, позже, когда я уже был студентом, я как-то зашел в Тбилиси к букинисту. Смотрю, такая же книга! Ее издали тиражом в сто тысяч. Спрашиваю, можно ли посмотреть. Букинист выразительно посмотрел на меня. Она ведь очень дорогая, а было понятно, что я не покупатель. Но он все-таки снял ее с полки. У меня внутренняя дрожь. Я знаю, что это не может быть та самая книга из ста тысяч. Листаю ее и вижу на месте «Тятя! тятя! наши сети притащили мертвеца» нет рисунка – страница вырвана. Это была моя книга! И я стал ломать голову, где достать деньги. Несколько дней бегал по друзьям, собрал сумму, прихожу, а букинист говорит: «Слушай, как только ты ушел, ее купили». Она исчезла.

– *Какая жалость...*

– Я чуть не плакал. Он увидел, что я очень расстроился, и говорит: почему ты ничего мне не сказал, я бы ее для тебя отложил. А я даже не подумал... Это все к рассказу о том, что благодаря бабушкиному образованию во мне это отложилось, и я поступил на журналистику. Но одновременно я, конечно, думал о кино. Кино я бредил с самого начала. Так что я не доучился, на четвертом курсе уехал в Москву и абсолютно неожиданно оказался во ВГИКе.

– *Как это случилось?*

– Я приехал в Москву встретиться с друзьями. Стояло лето. У меня назначено свидание на ВДНХ. Еду я, значит, через всю Москву, даже сейчас помню, на троллейбусе номер 42, и вдруг напротив садится чернокожая девушка, колено к колену. Я опешил: она была красивая до невероятности. Я прямо почувствовал ее колени.

– *Передумали ехать на свидание?*

– Я просто абсолютно опупел от ее красоты. Это была эфиопка. И у меня было чувство, будто между нашими ногами электричество возникло, электрические разряды. Я проехал ВДНХ, она сошла, я сошел за ней. Она вошла в какие-то двери. Смотрю написано: ВГИК, Всесоюзный государственный институт кино. И я туда вошел. А время летнее, абитуриентов полно. Я разыскал грузинских друзей. Они спраши-

вают меня: «Ты что, тоже поступаешь?» Я говорю: «Да нет, не думал». А та эфиопка просто исчезла.

– *Она вас словно привела туда?*

– Именно, привела. Потому что было понятно, что она там учится. Во ВГИКе училось много студентов из Африки, Азии. Я со многими из них потом подружился, но вот ее, которую встретил по какому-то знаку судьбы, так больше и не встретил... А в тот момент, когда я впервые вошел во ВГИК, заканчивался прием документов и наступали экзамены. Я быстро сварганил какие-то документы. На экзамене я попал к замечательному человеку – Григорию Наумовичу Чухраю, знаменитому режиссеру, который делал потрясающие фильмы. Я знал, как впечатлить приемную комиссию: рассказывал им что-то о Грузии. Видел, что нравлюсь, это же всегда чувствуется. А под конец ассистентка Чухрая спрашивает: «А что вы нам приготовили?» А я ничего не приготовил. Другие подготовили стихотворение, басню, прозу. А я – ничего. И ничего не помнил, даже своего любимого Пушкина. У меня всегда была плохая память, еще со школы. Это, так сказать, моя ахиллесова пята, поэтому я все записываю. А тогда я был безоружен. И на ходу соврал: «Вы знаете, я окончил грузинскую школу (а я русскую окончил), и могу прочесть по-грузински». «О, как хорошо, – говорит она, – а то у нас все по шаблону, парни читают Маяковского, девушки – письмо к Татьяне, а тут что-то новое,

нетипичное». И я вспомнил, что то ли в шестом, то ли в седьмом классе мы учили стихотворение Ильи Чавчавадзе «Разбойник Како». И я открыл рот и начал его читать. Вижу, с каким удовольствием они меня слушают. Я рассказал первое четверостишие. И все. Больше не помню. Понимаю, что останавливаться нельзя. Подумал: они же не понимают по-грузински. И начал считать по-грузински, но считать в ритме стиха, как его продолжение. Для тех, кто знает грузинский, это была бы нелепица, набор чисел. Но я читал артистично, с выражением: чвидмети, оцдарва, оцдацхра, оцдашвиди, оцдаати, асоци, то есть – 17, 28, 29, 30, 120... И так я читал «свою поэму» минут пять. А в коридоре стояли ребята-грузины и решили, что я сошел с ума. Потом, конечно, я объяснил им в чем, дело, и все хохотали. Под конец я понял, что по накалу страстей пришел к финалу, и в раже выкрикнул: «მძიღვთ, რა მძიღვთ!» («Ну примите меня, примите!»). И меня приняли. Началась учеба во ВГИКе, студенческая жизнь. Я снимал какие-то маленькие работы, моим мастерам нравилось. Мастера были чудесные, обучение было прекрасное. Я очень увлекся, учился на одни пятерки.

– *Ваш первый фильм – «Кувшин», он же дипломный. Почему вы выбрали за основу произведение Луиджи Пиранделло?*

– Я судорожно читал, выбирал, много мучился, искал что-то коротенькое. К тому времени я уже сам стал писать. Но не доверял

На съемках фильма «Сибирский цирюльник»

себе до конца, это большая ответственность. В тот период начал Резо Габриадзе. Он учился на Высших сценарных курсах. Мы с ним очень дружили, одно время даже вместе снимали жилье в Москве. У нас была очень тесная, братская связь. Резо как раз тогда писал сценарий «Необыкновенной выставки». Он знал, что я мучаюсь, ишу рассказ. Подходило время, пора сдавать дипломную, а у меня ничего нет. И он принес мне рассказ Пиранделло – историю о том, как человек застрял в кувшине. Но надо сказать, что у итальянцев техника виноделия не связана с кувшинами, в них они хранят оливковое масло. Так что я взял у Пиранделло только главный гэг: человек залез в огромный кувшин заклеить отбитую часть, а когда заклеил, выяснилось, что горлышко кувшина нетипично узкое, и он не смог вылезти. Рассказ Пиранделло короткий, поэтому надо было что-то придумать. И в процессе съемок мы много импровизировали: придумали историю милиционера, многие реплики. Фильм дал мне большой толчок. Это был заказ Гостелерадио, начались фестивали, призы. Я быстро обрел некое имя. Как-то в Москву приезжала Софи Лорен с мужем, продюсером Карло Понти. А я как раз сдал свой «Кувшин» на телевидение, и его решили показать знаменитым гостям. Вызвали меня как автора. Я пришел, смотрю – сидит божественная Софи Лорен. Ей хвастаются, мол, мы сняли фильм по вашему класси-

ку Пиранделло. Смотрим. Рядом дышит декольтированная грудь Софи Лорен. Я не знаю, смотреть на нее, или на экран. А Софи Лорен – хохотунья. Хохотала от первого до последнего кадра. А Карло Понти сидел напряженный. И только когда он увидел мой хулиганский момент, когда мастер, засидевшись в кувшине, писает оттуда наружу, от души рассмеялся.

– Кстати, как этот эпизод вообще пропустили?

– Удивительно! Это была моя импровизация на грани. По советским правилам такое на экране показывать было нельзя. И мне раз десять сказали: вырежи этот кадр, не примут, не пропустят, из-за этого фильм погибнет. С Софи Лорен был второй показ «Кувшина». А до этого я сдавал картину в том же зале и очень нервничал, что ее не примут. Мне сказали, что председатель Гостелерадио СССР Сергей Лапин – человек суровый, солдафонский, зарубит картину. И я выбежал в проекционную, схватил ножницы и быстро вырезал этот кадр, склеив пленку. Вернулся в зал, жду. А потом думаю: почему я должен это вырезать? Это же так хорошо! Выскочил опять и все вернул на свое место. Успел. Лапин хохотал. Ему страшно понравилось. А потом я снял фильм «Городок Анара» про большой винный рог. Я стал специалистом по вину. Когда меня встречали, удивлялись, мол, мы думали, что ты такой здоровый, пузатый – то про винный кувшин снимаешь фильм, то про

рог. В общем, у меня было хорошее имя – до того времени, пока я не снял фильм «Пловец».

– Что же в нем такого было?

– Я сам себя потопил. Фильм приняли очень плохо. Сказали, что это антисоветская картина, потому что мой пловец плывет в Турцию – то есть, это завуалированный побег. Бред какой-то! Это была страшная пора. Мне все время что-то приписывали. Председатель Госкино Филипп Ермаш вынес вердикт: фильм надо сжечь! Помню, ночью по водосточной трубе вместе с двумя друзьями я полез в монтажную «Грузия-фильм». Мы подговорили работника, он открыл нам форточку. Залезли, прокрутили фильм через монтажный стол и вырезали те эпизоды, которые были в понятиях Ермаша самыми антисоветскими – плот с портретом Сталина, уплывающий в море, бюст Сталина, который падает в аквариум. А негативы, помню, я спрятал в холодильнике своей бабушки, которая уже жила в одиночестве, очень старая. Она не хотела, чтобы я хранил негативы в холодильнике с огурцами, помидорами и сыром. Но они пролежали у нее там года три – как говорится, до лучших времен. Как она мучилась! Я все обещал бабушке, что куплю ей новый большой холодильник, но так и не купил. Моя вина... Потом началась перестройка. Фильму позволили оказаться на фестивале. И в 1987 году в Сан-Ремо, на престижном фестивале авторского кино, он получил Гран-при.

– Потом был фильм «Путешествие товарища Сталина в Африку». Как вы его снимали?

– Это уже была пора либеральная, горбачевская. Появилось много частных кинокомпаний. И была такая кинокомпания АСК – Американско-советская киноинициатива. Там были хорошие люди, они меня пригласили, и я представил им свою задумку. На две трети я ее сочинил, что-то подслушал из реальности. Это история о том, как Сталин захотел завести двойника, потому что ему было лень по пять часов парады выстаивать, пусть, мол, кто-то вместо меня стоит, машет ручкой. НКВД долго искало похожего на Сталина человека. И, согласно моей версии, нашли его

«Тысяча и один рецепт влюбленного кулинара»

в Грузии – грузинского еврея, по фамилии Пичхадзе. Его сыграл Рамаз Чхиквадзе. Я быстро написал сценарий. У меня появился очень хороший друг, оператор Денис Евстигнеев, сын того самого великого Евстигнеева. Мы нашли в Боржоми разрушенное НКВДшное здание, типа санатория. Было дикое вдохновение, хорошие актеры, красивая зимняя натура. По сюжету, когда Сталин уже позвал своего двойника к себе для знакомства, он умер. И двойник оказался никому не нужен. В финале его убивают. Такая, с одной стороны, веселая, с другой, с очень трагичным концом история. Фильм очень хороший. Но снят в такое время, когда всем было не до кино. Не было проката. Все было запущено...

– Как получилось, что вы поехали со своим «Сталиным» в Америку?

– Расскажу. В конце 80-х – начале 90-х в Тбилиси нагрянула делегация из США. Человек 8-10, в основном сценаристы, очень известные, много оскаровских лауреатов. Лето. В Тбилиси не оказалось никого из Союза кинематографистов, из верхушки. И меня попросили встретить этих американцев. А у них был такой маршрут: Москва – Ленинград – Тбилиси. Три дня побыли в Москве, три дня в Питере и три дня должны были побыть в Грузии. Мне выделили деньги, дали автобус «Икарус». Мне стало интересно: я знал, что приезжают очень достойные люди, некоторые имена мне были известны. К примеру, автор сценария «Касабланки» Джулиус Эпштейн или «Таксиста» Пол Шредер. В то время многие мои друзья занялись малым предпринимательством, открыли фирмы, цеха, в общем, были при деньгах. Я обратился к ним, попросил помочь хорошо встретить американцев. И они устроили такой праздник! Я сам опешил. С моими друзьями и коллегами, режиссерами Омаром Гвасалия и Сосо Чхаидзе, мы возили американцев по Грузии. В Кахети заранее засылали людей к местным в деревню, договаривались, будто мы, проезжая, заходим в случайный дом, а нас встречают, как дорогих гостей, приглашают на застолье,

жарят поросят, нас ждет пение, фантастическое вино. Потом мы повезли их в Мцхета, в Джвари. Утро, пасмурно, крапал дождь, мрачно... Мы зашли в храм, а там откуда-то сверху вдруг запел детский хор. Слово ангелы запели. Оказалось, мои друзья заранее завели туда детей, тайком. Люди так растрогались, что стали плакать. Солидные американцы! Потом мы привезли их на винзавод. Директор завода, друг моих друзей, спросил, у автора «Касабланки», Джулиуса Эпштейна, какого тот года рождения. Эпштейн ответил, и директор тут же вынес ему из подвала пыльную бутылку, выпущенную в год его рождения, и преподнес в дар. Он обалдел! И вот в таком ключе прошли все эти три дня. Уже в аэропорту Эпштейн говорил, что попросит политического убежища в Грузии и с удовольствием останется тут, потому что в Америке он живет в богатстве, но никому не нужен. Не то что в Грузии! И вот – в ответ на наше грузинское гостеприимство – на следующий год меня с моей тогдашней женой, режиссером Наной Джорджадзе, пригласили в Америку в составе команды московских и питерских режиссеров и сценаристов.

– Премьера вашего фильма прошла в Лос-Анджелесе, в Китайском театре Граумана, на площадке перед которым расположена знаменитая голливудская Аллея славы. Но ведь, помимо показа фильма, тогда произошло серьезное событие в

вашей жизни. Вы оказались на волоске от смерти...

– В ночь перед премьерой я был уставший после долгого перелета. Нас повели ужинать. Кажется, местечко называлось Blue Note. Мы попали на божественный джем-сейшен. Прекрасный вечер. Но там было очень душно. И переводчица, увидев мое лицо, сказала: «Ираклий, вы очень бледны». Я ответил: «Да ладно, ерунда». Хотя чувствовал себя хреновато. В дороге ничего не ел, не пил, кроме кофе. А перед поездкой я полтора месяца буквально жил в душной монтажной, когда монтировал «Товарища Сталина». Я попросил валидол. Но переводчица уговорила поехать в больницу. И то, что я с вами сейчас разговариваю – это благодаря ей. В клинике меня осмотрели, подключили к аппаратуре. Врачи смотрят на монитор, вытянутые лица, шушукуются. Я почувствовал странную энергетику. А врач говорит: «А каким образом вы вообще живой? У вас в сердце все основные артерии перекрыты. Только в одном сосуде, как в капельнице, кап-кап. Он перекроется, и все. Отпустить вас мы не имеем права. Срочно нужна операция». Меня прооперировали, и премьера моего фильма прошла без меня. И, главное, на мою операцию американские сценаристы стихийно собрали штаб спасения Ираклия Квирикадзе. И благодаря американцам я остался жить. А потом остался лет на пять в Америке... Следом в моей жизни был не-

мецкий период. В Германии мы сняли несколько фильмов. Один из них по моему сценарию сняла Нана Джорджадзе – «Тысяча и один рецепт влюбленного кулинара» с Пьером Ришаром. Продюсировать взялись французы. Получился хороший фильм. Снимали его в Грузии, в очень трудную пору, когда была война, не было воды, света...

– Его же выдвинули на «Оскар» и вы были буквально в шаге от победы!

– Да. Был момент, когда вся наша группа уверовала, что мы получим «Оскар». Дело в том, что эти сволочи нас так захвалили! И пресса была чудесная. Пьер Ришар впервые играл не комическую роль. Хотя там много смешного, но это драматическая роль. И вот мы сидим во фраках на церемонии «Оскар». Наша номинация, объявляют нас и еще четырех номинантов. Объявлял Джек Валенти, он был президентом Американской ассоциации кинокомпаний. На сцене Валенти сказал, что у него грипп, но он не мог пропустить момент, когда взгляды со всего мира устремлены на него. Он медленно разрывает конверт... Говорит медленно, тянет, как обычно на церемониях «Оскара». Это была ужасная пытка. И вот он открывает конверт и говорит: «И победитель – Че...» и закашливается. А наш фильм по-русски называется «Тысяча и один рецепт влюбленного кулинара», а

на английском A Chef in Love. И мы всей компанией – продюсер Темур Баблуани, немецкий и французский продюсеры, Пьер Ришар, режиссер Нана Джорджадзе и я – приняли его «Че» за начало слова «Chef». Ну сколько простуженный человек мог кашлять? Наверное, секунды четыре, пять. Но за это мгновение у меня в голове промелькнуло, как я привожу «Оскар» в Тбилиси, как нас в аэропорту встречают друзья, коллеги-киношники, я даже видел Шеварднадзе, как мы отдаем ему наш «Оскар», потому что во время съемок фильма Шеварднадзе нас с Ришаром принял у себя, благословил, было застолье, тосты, теплые объятия. Но негодяй откашлялся. И это его «Че» оказалось Czech Republic, то есть, Чешская Республика. «Оскар» достался Чехии. Уплыл из наших рук.

– По вашим сценариям сняты прекрасные фильмы. «Робинзонада, или Мой английский дедушка» Наны Джорджадзе получил «Золотую камеру» на кинофестивале в Каннах; «Лунный папа» Бахтияра Худойназарова с Чулпан Хаматовой собрал по всему миру более 10 наград. Еще были «Лето, или 27 потерянных поцелуев», «Метеоидиот» и другие картины. Параллельно вы начали активно писать для онлайн-журнала Story, издавать книги. Стали лауреатом Независимой премии «Парабола» Фонда имени Андрея Вознесенского.

Откуда такая любовь к писательству?

– Во всем виновата моя страсть к историям, обилие моих сюжетов. Я перестал снимать кино, начал писать книги, но для меня это... Словно я по-прежнему снимаю кино.

– Так и есть. Читаешь ваши рассказы и прямо перед глазами ярко возникают персонажи, как в кинофильме.

– Мне часто об этом говорят. Когда я пишу рассказ, я сублимирую – как кино на бумаге.

– А снять свое кино еще раз не хотели бы?

– Конечно, хотел бы. У меня много нереализованного. Есть полнометражные сценарии. Каждый раз за ними стоит какая-то история. Например, когда я жил в Америке, известная компания 21st Century Fox попросила меня написать сценарий о Пушкине, потому что в понятиях американцев Пушкин – негр, в чем я их разубеждал. Я написал полнометражный сценарий о жизни поэта – от рождения до смерти. С очень, по-моему, необычным видением. Ведь о Пушкине уже столько написано, с прослеживанием каждой секунды его жизни. А я, как уже рассказывал, его безумно люблю. Поэтому не хотел писать то, что уже написано. Нашел малоизвестные факты из жизни Пушкина и разыграл все свои карты. Мне кажется, получился очень хороший сценарий. Он до сих пор лежит... И, дай мне возможность снять, я, несмотря на свои 85 лет, ринулся бы в бой, как мальчишка, как Дон-Кихот, и сделал бы очень хорошее кино... Точно так же однажды польский режиссер Агнешка Холланд, с которой я дружил по Америке, Франции, и которая очень любит меня, мое творчество, и сама знаменитый режиссер, спросила, знаю ли я, что жена Петра I – полька, Марта Скавронская, известная всем Екатерина I. Я сказал, что, конечно, знаю. И написал эту историю. Она была проституткой, ее подобрал, в полном смысле этого слова, из борделя какой-то русский капитан. У капитана ее увидел некий генерал, к кому она и попала в руки. Потом ее взял Меншиков, привез в столицу и два года прятал от Петра I. Но Петр все же нагрязнул в меншиковский замок, вошел в

спальню, увидел Марту, а она ни в какую. Приняла его в штыки и выгнала. И Петру это так понравилось! Он ее покорила и утащил к себе. Несколько лет держал в любовницах, а потом женился на ней. Потом умер. И она стала императрицей, первой русской императрицей. И вот это все я описал в своем сценарии. Императрица из нее вышла, правда, никакая: она тосковала по Петру, запыла, умерла, не дожив и до 50 лет. А до того писала дневники, но так как была безграмотна, при ней все время был писчий, молодой человек, который утешал ее в последние годы жизни. Вот про это я тоже с удовольствием снял бы фильм. Или роман напишу. В сценарии все это так подробно написано, что все говорят, это замечательный роман.

— А современное кино вы смотрите?

— Очень мало. Даже не знаю, кого назвать. Знаю, что есть замечательные режиссеры, такие же, как Тарантино.

— Тарантино вам нравится?

— Да, особенно первые его фильмы. Когда на фестивале в Каннах показали его «Криминальное чтиво» (это был последний фильм в программе), все уже паковали чемоданы, знали, что победит картина «Утомленные солнцем» Михалкова. «Чтиво» имело огромный успех и получило «Золотую пальмовую ветвь». Я случайно попал на показ и вышел из зала ошеломленный... А потом у нас с Тарантино был разговор на Московском фестивале, куда он приехал несколько лет спустя. Выяснилось, что он работал в Лос-Анджелесе в салоне проката видеокассет, совсем недалеко от той улицы, где я жил. И я вспомнил, что часто видел там болтливого паренька-верзилу, который даже в жару ходил в пальто до пят и безудержно говорил, говорил, говорил. А потом стал кинозвездой.

— Ираклий Михайлович, сейчас у вас арт-семья. Супруга — художница Тома Стэнко, сын тоже прекрасно рисует и даже выставляется.

— Да, мой сын поразительный художник. Он рисовальщик от Бога. С одной стороны, детский наивный рисунок, при этом рука — просто феноменальная.

— А что бы вы сказали начинаю-

С супругой и сыном

щим кинематографистам и авторам? Каков универсальный совет от Ираклия Квирикадзе?

— Однажды я поехал к бабушке, она отдыхала на Зеленом мысу, и с ней жила жена писателя Николая Островского, автора «Как закалялась сталь». И она мне подарила его книгу, а на титульном листе написала цитату, которую я всю жизнь вспоминаю, и сейчас она пришла мне в голову: «Только вперед! Только на линию огня! Ни шагу назад!» Так и есть. Только вперед! Кем бы ты ни был, надо бороться! Даже в эту ужасную пору. Делай допустимое и не делай недопустимого. Хотя лучше не затрагивать эту тему...

— Может ли художник жить и творить, не касаясь того, что происходит в мире, в том числе политики?

— Я касаюсь. И меня это касается. Во всем объеме. Все неправильное, несправедливое, нечестное, безобразное, что творится. Но я не то чтобы спрятался... Я просто не хочу касаться тем, которые призывают к унынию и пораженчеству. Мне кажется, люди сейчас так устали от чернухи, от мрака... Поэтому я пишу смешные, позитивные истории. Не хочу

завершать свою мысль каким-то плакатным текстом, но все равно — правда восторжествует. Добро победит. Или же будет вселенский взрыв. Не знаю... Поживем-увидим. Хотя о себе я уже не забочусь. Я будто бы прожил эту жизнь. Мой занавес может опуститься когда угодно. Сегодня, завтра, через три дня...

— А вы верующий человек?

— Не очень. Я сегодня по поводу чего-то плакал... Не могу вспомнить от чего. Но плакал от счастья. Я стал сентиментальным. Когда происходят, тьфу-тьфу, трагические вещи — я застываю. А когда случается что-то доброе — у меня горло перехватывает от сознания, что, оказывается, добро еще живет. Это проникает в меня, и я плачу. Сегодня было утро как утро — я знал, что иду к врачу, потом встречаюсь с тобой, но вдруг увидел в интернете нечто доброе, качественное, человеческое... У меня затекли гланды, я не мог дышать. И потекли слезы. Вот в это я верю. Здесь признак Ангела, признак Бога! И я знаю, что добро, которое каким-то образом прикасается к нам среди всего этого кошмара, обязательно восторжествует.

ДВЕ ПОЛОВИНЫ ЯБЛОКА

О выставке «150. Путь к акмэ», и не только

В Тбилиси состоялось событие крупное и – волнующее. Казалось бы – всего-то очередной вернисаж в главном выставочном зале Академии художеств Грузии, он ведь специально и предназначен для крупных выставок... Но эта была совсем особенная. Фотография и графика чрезвычайно редко выступают на равных в одной экспозиции. Авторы двое: фотограф Юрий Мечитов (Тбилиси) и художник-график Марк Поляков (Нью-Йорк).

Что их объединяет? Тбилисское детство и полувековая дружба. Большую часть жизни проживая на разных полушариях, они остаются друзьями.

Выставка собрала чуть ли не половину Тбилиси. Была там и Анна Бердичевская, не только постоянный автор «Русского клуба», но и старинная подруга и Марка, и Юрия. Ей слово.

■ Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Первое и краткое впечатление я выложила в Фейсбуке (именно он помогал мне многие годы не терять моих тбилисских друзей Юру и Марка). Я написала, что главным на многолюдном и шумном открытии было общение – так всегда бывает на ретроспективных выставках, как бы подводящих промежуточный итог в творчестве мастеров. Но, подумав, все же добавила еще и то, что знаю о дружбе обоих авторов очень давно, и она напоминает мне крепкое сочное яблоко, которое лет тридцать назад было разрезано на две половины. Юра и Марик расстались в девяностые, очень непростые годы, когда Поляков уехал, спасая близких, в Америку. Они могли бы и не встретиться больше... Но вот здесь, в огромном зале родной для Марка Академии, это разрезанное ровно пополам яблоко воссоединилось, срослось и ожило. К нашей общей радости и в присутствии сотен свидетелей. Чудеснее этого, пожалуй, ничего не может быть... В ответ на мою «рецензию в десять строк» друг мой Марик написал комментарий: «Круто завернула!» Это заставило меня призадуматься... О случайных встречах и о временах, творящих судьбы людей...

Юра – фотограф-документалист, всю жизнь снимающий жесткую черно-белую суперреальность. Марк – ярчайший, почти безумный фантазер, антиреалист, которого, казалось бы, вообще реальность не интересует.

В названии выставки есть загадочная цифра – 150. Отгадка, во всяком случае для меня, проста: каждому из друзей по 75. Их выставка – сумма двух юбилеев...

Как я познакомилась с ними? Давным-давно, очень случайно и совершенно по-разному.

Ровно сорок лет назад, летом 1984 года, я, недавно переехавшая в Тбилиси из Перми, шла по проспекту Руставели в издательство «Мерани», откуда мне позвонили утром и пригласили зайти после обеда, чтоб по-

смотреть и утвердить (!) обложку моей первой книги стихов. Новость была волнующая... Я шла под платанами в растерянности, но и в прекрасном настроении. Что не помешало мне почувствовать в метре за собой

кова – фотографа Юрия Мечитова. Не заметить его просто не получилось бы. Он был в информационном поле Тбилиси как бы растворен целиком и полностью – присутствовал всегда, сразу и везде. Уже тогда он обладал

пронзительным взглядом и необычайной способностью видеть ускользающий миг. Юрий нажимал на кнопку, и миг становился кадром. Возможно – на века. Впрочем, никто не знает тайну времени... Однажды я и сама попала на глаза Юре Мечитову, было это в роковом апреле 1989 года, когда я делала репортаж о сносе гигантских фигур сталеваров и колхозниц, олицетворяющих советский народ. Кстати, в Тбилиси они были выполнены в бронзе и куда качественней, чем в целом по СССР... Они стояли у входа в тот самый Дом Правительства, на площади перед которым совсем недавно произошли ужасные события 9 апреля... За ограждением молча толпился уже практически не советский и угрюмый народ. А мы с Юрой Мечитовым были внутри. Он сверкал своим ярким взором и снимал, снимал, снимал... И я попала в его объектив. Через много лет он прислал мне в какой-то из мессенджеров три кадра. И, знаете, задним числом я почувствовала себя навсегда впечатанной в трагический миг истории.

– шаги. Когда я оглянулась, с облегчением поняла, что незнакомый мужчина с усиками шел не за мной – он просто шел, сам по себе... И вот я поднялась на крыльцо издательства. Незнакомец поднялся за мной. И по коридорам двигался за мною шаг в шаг. И в дверь, наконец, мы вошли в одну... Мой спутник, посмотрел на меня с удивлением, как, впрочем, и я на него. Мы оба оказались в отделе книжных иллюстраций, каждый по своему делу. Когда сотрудница нашла и показала мою обложку (на ней был небрежный набросок пером – женский профиль и под ним название: Странствие), незнакомец заглянул мне через плечо и сказал:

– Неплохо. Но я бы нарисовал лучше.

Так мы познакомились с художником Марком Поляковым, графиком, выпускником тбилисской Академии.

В том же году я, сотрудница тбилисской «Вечерки», не могла не узнать и друга Марка Поля-

Это было только началом огромной цепи событий, о которой теперь помнят уже далеко не все. Эти и последующие события разлучили сотни тысяч людей, в том числе, Марка с Юрой, да и меня – с Грузией...

Меньше чем через год и после того, как пуля разбила форточку в спальне дочери, я отвезла ее к родне, в Россию, а еще через год перебралась туда и сама. Без вещей, без денег, без паспорта.

Помню, как однажды позд-

как он и мне повторял и повторял: «Ты погибнешь!» Он готов был и меня спасти... Он действительно многих друзей тогда увез из Тбилиси, буквально спас... А я осталась в Москве. Но во все эти страшные годы, весной или осенью, иногда зимой, приезжала, как и сейчас приезжаю, в любимый город, в Тбилиси. Я писала обо всем об этом и стихи, и прозу. И с друзьями, уехавшими уж слишком далеко, поддерживала связь – по Скайпу, Емеле, Вацапу и

менитого «Тиффани» (помните фильм «Завтрак у Тиффани»? – вот туда мы и забежали, нет, не завтракали, зато я купила там крохотное голубое сердечко в серебре – для дочери)... Как у всех приезжих, у меня от хождения по Бродвею болела шея... А в будни, впервые освоив айфон и навигатор, но чаще «за ручку» с новым товарищем Марика Витей Райкиным, совершала пешие марши вдоль Гудзона... Однажды, издали я увидела огромный, очень красивый ре-

Николай Свентицкий

Александр Цветков

ней осенью мы встретились в Москве с Марком Поляковым у нашего общего друга, Андрея Вишневского... Стояли холода, шел снег. В Москве, как и в Тбилиси, отопление не включали. Но все-таки из кранов текла вода, в магазинах был хлеб и можно было найти хоть какую-то работу. Помню, как Марик говорил мне, что улетает в США и увозит из Тбилиси всех, кого может, он всех спасет. Помню,

другим диковинным вещам, которыми хоть как-то можно стало сшивать время, пространства и судьбы близких друзей... И только в двадцать первом веке, по приглашению Марика и его жены Наташи, я приехала к ним на Манхеттен. Наташа по выходным катала меня в шикарной машине по Нью-Йорку (по «Большому Яблоку»), гуляла со мною по Уолл-стрит, где работала в небоскребе возле зна-

клamный постер, изготовленный по эскизу Марка Полякова. Порадовалась за него. Рекламу он придумал безупречно строгую, но – звездно-прекрасную, у нас в Москве такого не видали... Сидели мы всей компанией у Марика, с Андрюшей Вишневским, в русском ресторане «Дядя Ваня», на русском же литературном вечере... Прекрасная была поездка!

Марк Поляков, виртуозный

график с академическим образованием, работающий в крупной рекламной компании, рисовал в редкое свободное время, у себя дома, для себя, фантастические рисунки. Он погружался в ирреальный мир своих фантазий... И мне кажется, я тогда же догадалась как это произошло. Он просто расстался с тбилисской реальностью, а другая ему была не нужна. Он перешагнул через Тихий океан... и, не увидев земли обетованной, погрузился в океан фантазий – смешных, жутковатых, радостных, ярких и трагичных. Публиковал их в Инете. Имел успех. Блестящий рисовальщик (альма матер – тбилисская Академия – очень хорошая школа), Марк создал мир подробный и тонко прорисованный, очень условно связанный как с прошлым (с Грузией), так и с Манхэттеном... Мир этот радует, раздражает, иногда пугает или смешит. И остается загадкой. Какой-то «третий мир», «тот свет», в который проникают разве что в сновидениях. А жил он – с теми, кого когда-то спас, кого любил, и кто любил его – мама, дети, наезжающие из-за океана друзья.

С тем я и уехала из Нью-Йорка, от Марика Полякова...

А дружба продолжилась, никуда не делась. В ней было очень общее – Тбилиси. Вообще, все мы научились в этом новом веке жить в разлуке не разлучаясь. Мы видимся в «промежуточных» городах и странах, обмениваемся новостями, фотографиями, планами. А в Тбилиси тем временем Юра Мечитов изо дня в день, из года в год продолжал и продолжает свою великую фотолетопись и галерею великолепных портретов жителей родного города. За каждым – жизнь, родная почва, судьба. Марк и Юра виделись чаще всех... Но так, чтобы совпасть в любимом городе всем вместе – не получалось никак. И вот – наконец-то! Выставка Марка и Юры! И вся семья Марика – приедет с ним! И все тбилисские друзья всех эпох – придут! И ректор Академии откроет выставку! Ура!

Конечно, я задержалась, чтобы непременно попасть на это Событие. Даже билет на самолет поменяла.

И вот я на открытии. И мне действительно открылось нечто важное. Совершенно неожиданно, впервые... Главным образом из-за организации экспозиции. Она была устроена так... Когдаходишь в большой выставочный зал, то видишь: все лучшие черно-белые работы Юрия, в том числе знаменитые на весь мир портреты Параджанова, вывешены на стене слева. А яркие фантазии Полякова – на правой стене. И вот получилось, что яркоглазый, мудрый Сержик с фотографий Мечитова рассматривает рисунки Марка Полякова.

А надо сказать, что и Юра, и Марк, ребята талантливые и яркие, дружили с Параджановым, он был для них кумиром и мэтром. И он высоко ценил их дружбу, их талант и энергию. Тому есть множество свидетельств на тех же фотографиях Мечитова! Дружба была настоящая, творческая, я знала об этом, видела это.

Заметив взгляд Параджанова на противоположную стену зала, я и решила: учитель оценил работу ученика. Понял и принял красоту его фантазий...

И еще кое-что припомнилось. Воспоминание подсказало ответ на вопрос – на что же похожи ни на что не похожие работы Полякова? Да это же очевидно! Как я могла раньше не догадаться! Действительно, ни на что они не похожи... кроме как на рисунки Сергея Параджанова, в огромном количестве и с чудовищной фантазией сделанные им во время арестов – первого (1973 г.) и третьего (1982 г.). Все мы, и я, и Поляков, и Мечитов, видели эти рисунки на первой великой выставке художника Параджанова, которая состоялась в тбилисском Доме кино, как мне помнится, в конце все того же 1984 года, 40 лет назад. Выставку подготовил сам недавно освобожденный прямо в зале суда Параджанов вместе с друзьями (думаю, Поляков и Мечитов были в их числе).

Вернисаж – считаю необходимым именно так, торжественно, назвать ту небывалую выставку в трех комнатах Дома кино у метро Руставели. На том вернисаже, совершенно уникальном, Параджанов собрал,

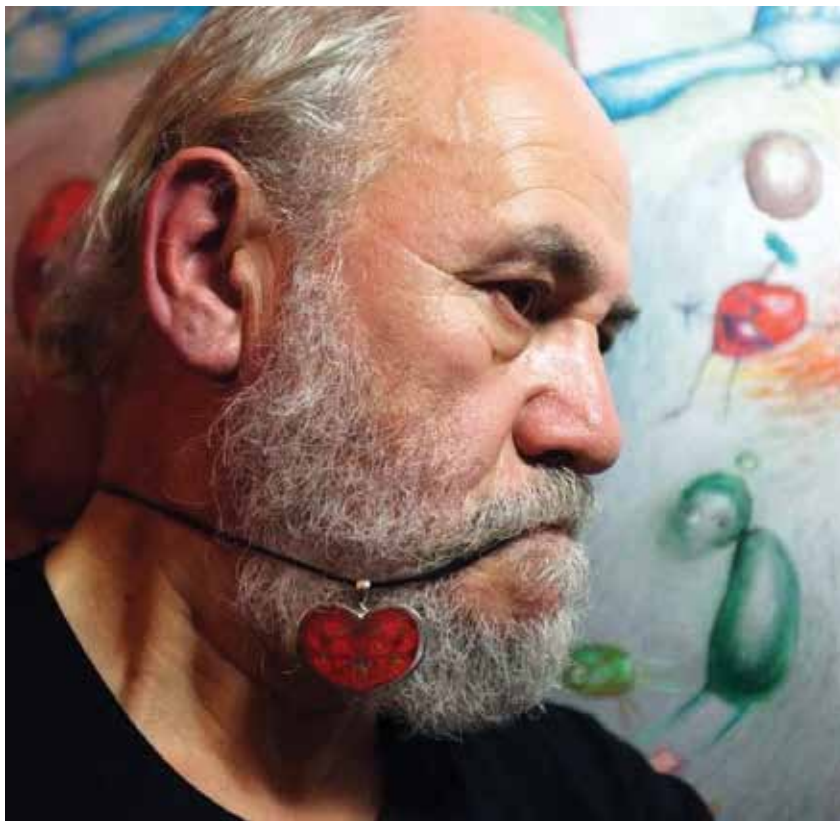

«Тбилиси – Ночь – Луна»

кроме прочих чудес, сотни своих картинок, сделанных на чем попало в лагере и в КПЗ... Их-то и напоминают работы его почитателя и ученика художника Марка Полякова. Да, в силу неотвратимых и ужасных обстоятельств Марик покинул родину лет тридцать тому назад. Видимо, чужбина, даже такая – комфортная, небоскрежная, успешная, все же чем-то похожа на тюрьму, на неволю. Эмиграция... Потеря реальности – родной, глубокой, живой.

Мы с Марком не успели об этом поговорить, мне окончательно пора было уезжать. Зато в моем Фейсбуке, через пару дней после возвращения из Грузии, я увидела прекрасный, живой и мощный, новый рисунок Полякова, он озаглавлен автором: Tbilisi – Night – Moon... Тбилиси – Ночь – Луна... Попрошу его для обложки своей новой книги стихов.

Ну а про яблоко, разрезанное ножом судьбы на две половинки, я в своем ФБ, возможно, и в самом деле «завернула», и мой друг Поляков – прав. Я еще подумаю... А Юра Мечитов нас всех троих в своей студии когда-нибудь снимет. И пусть у каждого из нас будет в руке зеленое сочное яблоко!

ИМПРОВИЗАЦИИ МАРКА ПОЛЯКОВА

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

«Путь к акме» – так назвали свою совместную выставку, развернутую в Тбилисской государственной академии художеств, легендарный грузинский фотохудожник Юрий Мечитов и, в прошлом тбилисец, талантливый американский график, человек мира Марк Поляков.

На первый взгляд, нет ничего общего между странными, отнюдь не реалистическими образами Полякова, возникшими как результат мощного выплеска его воображения и глубокого погружения в поток глобального культурного процесса, и психологическими портретами Мечитова. Но это лишь поверхностное впечатление. Работы художников сближают отраженные в них гармония и дисгармония многомерного бытия и инобытия, размышления о трагизме жизни и неизбежности смерти, уязвимой человеческой природе: часто – прекрасной, иногда

– уродливой, о соединении в ней высокого и низкого, духовного и природно-стихийного. Объединяет двух мастеров и тбилисская, грузинская тема. Персонажи Юрия Мечитова – тбилисцы, известные и не очень, значимые и обычные. Но в его воплощении, под преображающим оком творца даже, казалось бы, незначительное становится существенным, обретает глубину и объем. А Марк Поляков, в свою очередь, фантазирует на темы Пиросмани и Шота Руставели, создает групповые портреты тбилисцев эпохи своей молодости – друзей-художников, и не только. На одной из его работ – лучи, словно протянутые со знаменитого тбилисского Фуникулера на Святой горе к образам дорогих людей. Метаморфозы Полякова – стихия подсознания, нечто на стыке реального и мифического, как будто навеянного снами. Загораживают необычные формы, особая пластика образов, какая-то недосказанность – много-

чие... Рождаются ассоциации – как это происходит, когда погружаешься в поэзию или музыку, и у каждого зрителя, слушателя возникает свое видение, свое впечатление, свой пунктир восприятия.

Нафантазированные, невероятные персонажи Полякова могут привлекать или вызывать вопросы, но никого не оставляют безразличными. Опыт творца, воплощенный в столь причудливые формы, – вне рационального сознания. Происходит мифологизация реальности. Марк

делится с нами своими мыслями и чувствами, своим миром, своей любовью.

Юрий Мечитов тоже ищет в лицах своих героев некий излом, драматизм, вечные мотивы жизни и смерти. При всей реалистичности портретов это не бытовой пласт, ведь талантливый фотохудожник видит в окружающем нечто особенное, скрытое от других.

Персонажи Мечитова и есть попытка выявить то, чего не замечает обычный человек, создать другое измерение через интуитивное и подсознательное, проникнуть в некую тайну.

Марк Поляков согласился ответить на вопросы нашего корреспондента.

– С Юрием Мечитовым меня

связывает многолетняя дружба, между нами постоянно идет творческий диалог, несмотря на то, что я уже тридцать лет живу в США, а Юра – в Грузии, – рассказывает художник. – Хотя Юра однажды приезжал ко мне в Америку, а я трижды побывал в Грузии. Юра наблюдает за моим творческим развитием, а я – за его метаморфозами. Знакомство с Мечитовым было очень важным для меня событием. Мы с ним вместе работали над композициями, над техникой фотографиями. Я всегда считал

званием. Люди и животные в моих работах взаимодействуют. Можно найти какие-то антропоморфные моменты в абстрактных рисунках. В этом смысле – человечности – мы с Юрой очень близкие художники.

– Но форма выражения человечности у вас несколько другая.

– Я скользя по всем формам. Не считаю, что нужно выработать один стиль и бесконечно его тиражировать. Художник должен все время развиваться, я это развитие вижу в Юрии Мечитове. Я использую в своих ра-

тересовало западное искусство. Мой диплом по окончании Тбилисской академии художеств – оформление обложек пластинок всех симфоний Густава Малера. Я пытался передать пульсирующий цвет. На синем фоне были пульсирующие белые облака... В 80-е годы мы с моим другом, драматургом и режиссером Андреем Вишневым выпустили на сцене Тбилисского русского театра имени Грибоедова авангардный спектакль «Перейти Ниагару» по пьесе Алегрия Алонсо. В оформлении мной был задействован полиэтилен – мы создали из него Ниагарский водопад. В нынешней выставке я вновь обратился к полиэтилену – это оммаж, дань любви к воплощенному в молодости образу. А еще я использовал чисто тбилисский мотив: в старых дворах белье развешивали на прищепках, и все представленные мной работы тоже были закреплены прищепками. Рисунки можно трогать руками, они не за стеклом, не в рамках. Мне важно, чтобы люди входили в контакт с моими произведениями, ощущали их тактильно. Плюс – река времени, река жизни. Образ Ниагары, с которой началась наша дружба с Андреем Вишневым – человеком с бесконечными идеями и невероятными фантазиями, который сильно повлиял на меня, с актером Валерием Харютченко, исполнителем одной из главных ролей в том спектакле. А если говорить о влияниях тбилисского периода, то первым эстетическим впечатлением стали для меня Пиромани и ранний Ладо Гудиашвили, его выдающиеся, невероятные работы французского периода.

– Позднее вы несколько лет жили в Москве. Чем они были наполнены?

– В Москве я пробыл всего три года, но это было насыщенное время. Я попал в самую важную художественную тусовку той эпохи – тогда был всплеск интереса к современному искусству, концептуализму. В Москве для меня многое открылось, шла интенсивная художественная жизнь, и она оказала на меня сильное влияние. Меня вообще интересует интерактивность. Не люблю застывшие формы. Я познакомился со многими ин-

фотографию искусством будущего. Современному художнику нужно обязательно знать и использовать композиционные фотографические приемы. Юра мне очень близок по глубокой человечности своего творчества. Это выдающийся фотохудожник международного уровня, из тех больших мастеров, которые производят на меня сильное художественное впечатление. Как, например, великий французский фотограф, член фотоагентства «Magnum Photos» Георгий Пинхасов. Я тоже, как и Юра, делаю портреты. Мне всегда интересен человек, я считаю, что это самая главная тема, и никто не может ее избежать. Даже если мы создаем нечто отвлеченное, концептуальное, речь все равно идет о гуманистическом выска-

ботах разные, близкие мне, художественные стили. Например, Марка Родко – американского художника, представителя абстрактного экспрессионизма, одного из создателей живописи цветового поля. Он медитативный экспрессионист, его картины пульсируют. Очень люблю немецкий экспрессионизм. Если вы внимательно посмотрите мои работы, то увидите и это. Но речь идет не о влиянии. Я сознательно использую какие-то сюжеты, методы. Существуют и так называемые бродячие сюжеты, которые переходят из работы в работу, из страны в страну, из эпохи в эпоху. Так что я с удовольствием обращаюсь к тому, что нашли другие художники, но интерпретирую и развиваю это по-своему. Меня всегда ин-

ресными людьми – с художницей Юлией Кисиной, близкой к кругу московских концептуалистов, режиссером, педагогом, теоретиком театра, деятелем театрального андеграунда Борисом Юханановым, сценографом Юрием Хариковым – людьми, связанными с театром. Потому что я в основном общаюсь с фотографами и театральными людьми. С художниками мне труднее, потому что они люди малоартикулированные, а я люблю артикулированных, которые могут что-то рассказать, обменяться идеями. Для меня очень важно общение. Искусство и есть форма общения. Ты посылаешь какой-то месседж и должен представлять, кто этот месседж принимает. Если ты этого не представляешь, то человек не прочтет твое сообщение, запутается. Я пытаюсь создавать визуальные метафоры. Это некая форма, которую каждый человек может воспринять по-своему, сделать свою интерпретацию, добавить свои смыслы.

– Марк, вы подчеркнули свою особую связь с людьми театра. Хочу напомнить читателям, что ваши отношения с тбилисским театром Грибоедова не ограничались спектаклем «Перейти Ниагару». Вы оформили постановки «Трагический поединок» А. Ставицкого (вместе с А. Ча-

чиком), «Звезды на утреннем небе» А. Галина, а сравнительно недавно стали автором замечательного плаката к спектаклю «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя...

– Сотрудничество с театром продолжилось и в Москве. Режиссер Роман Балаян ставил спектакль в театре «Современник». Увы, проект так и не был осуществлен, но я придумал сценографию. Меня всегда интересовал театр, к сожалению, он отнимает много энергии, а творческий результат небольшой. Все зависит от множества людей, ведь театр – это производство! А Андрей Вишневский – по-прежнему мой очень близкий друг. Это выдающийся драматург, драматург будущего. Я оформил книгу по его пьесе «Пинноккио».

– А что, по вашим наблюдениям, происходит в современном изобразительном искусстве?

– Новых великих тенденций нет – есть замечательные художники. В основном коммерческие: чтобы интерьер оформить, повесить картину в холле или дома на стене. Но есть и гении – например, знаменитый немецкий художник Ансельм Кифер. В США – Мэтью Барни, работающий в жанре перформанса, скульптуры, рисунка, видео.

– Вы уехали в США в тяжелые 90-е годы...

– Собирался и там осуществить художественную идею «Последний дом дяди Марика в России», которую реализовал в Москве. Виктору Мизиано, российскому теоретику и куратору современного искусства, понравился мой проект. Я построил структуру дома, поставил станок – офортный пресс и на нем занимался экспериментальной печатью (термопринтом) – печатал золотые оттиски, которые используются в полиграфии. Из этих золотых оттисков я сделал дом. Потом разобрал его и намеревался в США построить снова, а вокруг возвести большой американский дом. Пока не получилось – мир суров.

– Проблема в деньгах?

– Даже если у тебя есть деньги, но нет связей, тебя никто не впустит в этот мир. В США я двадцать лет прилично зарабатывал, не водил такси, не разгружал

мусор – занимался своей профессией. Но это не было Fine Art (изобразительное искусство). Fine Art меня никогда не кормило, я всегда зарабатывал по-другому – книги делал, трудился в фирме, которая выпускала коллектиблз – фигурки, наборы марок, работал художником-дизайнером. Заработал пенсию и теперь могу спокойно заниматься Fine Art... Надо еще продавать себя. Если сам этого делать не умеешь, необходим человек, который будет тобой заниматься. – Приходилось слышать, что в ваших работах много негативно-го, какие-то химеры...

– Химеры – это наш любимый термин. Художники много занимались и занимаются химерами. Химерические образы были очень популярны и в средневековой культуре. Это отражение человеческих страхов, подсознательных импульсов. Франсиско Гойя говорил: «Сон разума рождает чудовищ». Когда художник работает, мир проходит через него. Я не люблю политику и не очень в ней разбираюсь, но слежу за процессами, происходящими в разных странах. И это, конечно, влияет. Кто-то воспринимает мои работы как пессимистические, я же считаю, что в них – баланс. Многое передается через боль. Через темное происходит выход к свету. Когда ты из тяжести, сложности, трагичности мира выходишь к свету, вот это действительно имеет смысл. Как в драматургии, когда ты через конфликт идешь к катарсису. А если ты, как idiot, все время твердишь про свет, цена твоим потугам никакая.

– От ваших работ возникает, тем не менее, ощущение легкости – будто все рождается экспромтом, быстро, почти играючи.

– Я почти никогда не задумываю свои работы. Я импровизирую. Мой главный художественный метод – импровизация. Иногда из какого-то пятна рождается чудовище или прекрасная принцесса, или обнаженная женщина, или какой-то мужчина, или любовный акт, или сцена насилия. Увидеть можно все! У меня очень индивидуальная, особенная техника – все работы сделаны по-разному, но их объединяет мое отношение к штриху, к плоскости, к точке. Как график, я все

время проживаю этот процесс. Для меня важна кардиограмма – нервная линия, которая выражает сегодняшнюю ситуацию.

– *И бесконечная фантазия за гранью.*

– *Вовсе не за гранью. Но я люблю фантазировать, фантазия необходима. Одно и то же изображать? Елки-палки, яблоки? Мне это неинтересно. Когда подобное стал делать Сезанн, это было гениально. Ведь в обычном яблоке он обрел весь мир. Но сейчас уже другое время, другое искусство. И повторять*

себе, что я создаю человеческое, гуманистическое искусство. В мире много замечательных, прекрасных картин, сделанных для интерьера, оформления гостиниц, офисов. Это одна из немногих оставшихся от Fine Art форм заработка. Но я занимаюсь другим – интересуюсь человеком. И в этом смысле Юра Мечитов – мой брат. Это нас и соединило спустя много лет.

– *Можно сказать, что у вас сложилась в США карьера художника?*

– *Не могу сказать, что художе-*

его брат Тео, замечательный человек.

– *Интересен ли вам американский театр?*

– *Театр в Нью-Йорке – тоже большой бизнес. Мюзикл «Король Лев» идет там уже десять лет. Суперкостюмы, суперсвет, супертрюки – и полные аншлаги!*

– *А какой театр нравится вам сегодня?*

– *Экспериментальный, разный... Недавно к нам приезжал английский театр, показали «Гамлета». Заглавную роль играет невероятно харизматичный двадца-*

пройденное смысла нет, на мой взгляд. На самом деле, все было, ничто не ново под луной. Но что ново? Ваша интерпретация, ваша жизнь. Никто не прожил вашу или мою жизнь. Если я сумел это выразить – не Микеланджело, а я – вот это имеет значение! Выразить средствами искусства мой личный опыт, мое переживание, мою судьбу. Не знаю, насколько мне это удалось сделать. Может быть, в моих работах можно увидеть тяжелые моменты. Но есть и светлое. Многое связано с любовью, эротикой. Есть боль, смерть, распад... Не могу сказать, что я футурист, кубист, еще кто-то. Я изучаю и свободно использую элементы кубизма, футуризма, авангарда. Осмелюсь думать о

свенная карьера, карьера в области Fine Art, у меня сложилась, но не буду утверждать и обратное.

– *А что все-таки значит – карьера в области Fine Art сложилась?*

– *Когда твои работы покупают за большие деньги. Существует только один критерий – деньги. У меня не великая карьера, но США дали мне возможность заниматься творчеством, судьба мне подарила замечательную жену, которая во всех отношениях меня поддерживает. В этом смысле я очень благодарен Америке. Каждый день я работаю, занимаюсь творчеством и получаю от этого большое удовольствие. А поддержка художнику необходима. Того же Ван Гога всю жизнь поддерживал*

двухлетний артист. Успех был колоссальный! Все было сделано крепко, профессионально, а актер просто гениальный. И зрители получили огромное впечатление! А тот спектакль, что мы сделали с Андрюшей Вишневым в 1986 году в Тбилиси, наверное, был слишком авангардным для восприятия зрителей. Недавно с бывшим актером Грибоедовского театра Славой Степновым, ныне художественным руководителем театральной компании «Steps», мы выпустили в Нью-Йорке спектакль под названием «Жопкин хор». Это невеселая комедия из жизни нью-йоркских театральных актеров-эмигрантов. Так что с театром не расстанусь.

Владимир Ермаков

НАСЛЕДИЕ МАСТЕРА

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

Об известном режиссере-операторе грузинского телевидения Владимире Ермакове я узнала на презентации книги писателя и журналиста Наны Цителашвили «Слезы на кипарисах». Это роман-исповедь, повествующий о войне в Абхазии, и трагедии, которую перенесли два братских народа тридцать лет назад. Нана, наравне со многими нашими соотечественниками, испытала на этой войне страшную боль потери – ее супруг, Владимир Ермаков, погиб, снимая боевые действия. Позднее он был посмертно награжден Орденом Вахтанга Горгасали I степени.

Он очень любил свою профессию, окончил операторский факультет ВГИКа в Москве, был одним из ведущих операторов грузинского телевидения и оставил огромный архив: отснятый им материал – видеокассеты и

киноплёнки – занимают целую комнату.

Нана Цителашвили рассказала нам о жизни и деятельности Владимира Ермакова.

Познакомились в Тбилиси, влюбились в Москве

– В первый раз я его увидела на телевидении. Я была студенткой журфака Тбилисского государственного университета и проходила там практику, а Володя, после окончания ВГИКа, приехал на родину и стал работать на телевидении. В тот день Нона Гаприндашвили проводила сеанс одновременной игры в шахматы с рабочими какого-то завода. Редакция направила меня делать репортаж, а Володя снимал мероприятие на камеру. Я мельком на него посмотрела, и он мне не понравился. Володя же меня запомнил. Однако это так

и осталось поверхностным знакомством. А потом я продолжила обучение в аспирантуре журфака МГУ, параллельно работая специальным корреспондентом Первого канала грузинского ТВ в московской зоне. В тот период в Москве проходили Дни грузинской литературы, главный редактор литературной редакции Марика Чхартишвили позвонила из Тбилиси и попросила подготовить почву к прибытию съемочной группы. «Едет Ермаков», – сказала она так, будто оказала мне великую честь. Оказалось, это и была честь – Володя пользовался на телевидении репутацией высочайшего профессионала, поэтому его посылали на самые ответственные задания. Дни грузинской литературы продолжались полторы недели. Именно тогда мы и сблизились. Видите, как получилось – познакомились

Нана Цителашвили

в Тбилиси, а открыли друг другу свои чувства в Москве. Это была счастливая встреча – мы дополнили друг друга и создали очень многое, когда договорились работать вместе, решили, что я буду писать, а он – снимать.

Золотой фонд Владимира Ермакова

– Мы сделали проект под названием «Грузия – любовь моя», серию фильмов, хронометражем в полтора часа каждый, о выдающихся российских деятелях культуры, которые делились воспоминаниями о Грузии, годах, проведенных здесь, рассказывали о встречах с грузинскими друзьями. Героями наших фильмов были Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Александр Межиров, Майя Плисецкая, Римма Казакова, Михаил Квливидзе. Мы сняли пять фильмов о Мэлоре Стуруа. В рамках этого проекта записали интервью с Михаилом Козаковым, Валентином Никулиным, Юрием Никулиным, Зиновием Гердтом, Сергеем и Татьяной Никитиными... Знаете, какой гонорар мы получали за один фильм? 35 рублей. Но кто на это обращал внимание? Мы свои последние копейки тратили, чтобы снимать. Всю душу вкладывали в работу, болели и верили в то, что делали. Это были материалы союзного значения. Сегодня они хранятся в моем личном архиве. В свое время, с помощью добрых

людей, я тайком, под покровом ночи, вынесла все видеокассеты Володи из здания телевидения, и не скрываю этого. Тогда были смутные времена, существовала реальная опасность уничтожения нашего многолетнего труда, и утратить такой архив было бы преступлением с моей стороны. Сейчас я перевожу эти фильмы на цифровые носители, ведь они сняты на 16-миллиметровую пленку, широкоформатную камеру и на видеокассетах. Затем планирую передать весь материал Национальному архиву – как фонд Владимира Ермакова. Это настоящий золотой фонд для Грузии.

Ностальгия по родине

– Хочу подчеркнуть, что эти фильмы выходили в эфир на грузинском телевидении, их не было у Центрального телевидения в Москве, но мне много раз оттуда звонили: «Назовите вашу цену, только в разумных пределах». Особенно охотились за фильмом о Булате Окуджава. «Наночка, почему вы не хотите продать нам этот фильм?» – «А почему я должна хотеть?» – «У вас он будет лежать в архиве или в каком-то литературном центре. А так – ваш фильм будут смотреть люди, и вас увидят». Я ответила: «Знаете, вы можете так говорить людям, которые ничего не смыслят в телевидении и кинематографе. Вы вырвете из фильма одну песню Булата, потом вторую. И

с легкостью их продадите, ведь бард такого уровня пользуется популярностью во всей Европе». – Но как вам удалось записать с ним интервью? Окуджава неохотно общался с журналистами. – За несколько лет до выхода нашего фильма, я, работая корреспондентом Первого канала в Москве, погналась за ним два месяца. «Позвоните в субботу, Наночка». Потом – через субботу, потом – еще через одну... Потом он мне даже книгу подарил с дарственной надписью: «Затянулся наш роман». И когда, наконец, он позвонил и сказал: «Наночка, вызывайте группу», я от неожиданности два часа просидела в шоке... После того, как на грузинском Первом канале вышел наш фильм, позвонил Важа Окуджава, бывший ректор Тбилисского университета, двоюродный брат Булата Шалвовича, и сказал, что такого интересного фильма о Булате они еще не видели. Затем последовал звонок из Москвы. Я пришла домой с работы, и мама сказала: «Тебе звонил Булат Окуджава». Я не поверила своим ушам, подумала, кто-то пошутил. Но, оказалось, действительно звонил он сам. Он очень высоко отозвался о фильме и предложил организовать показ в Москве. Даже предложил прислать нам деньги на билеты... Мы с Володей поехали. Повезли фильм на пленке, на Центральном телевидении его «перегнали». На показ Булат позвал всех, кто принимал

Александр Солженицын, Григорий Горин и Булат Окуджава в гостях у директора Первой школы Лианы Шецирули

Лео Бокерия

участие в фильме. Во время просмотра он прослезился... А затем позвал нас в кафе со словами: «Ребята, можно еще посидим?». Мы сидели рядом с человеком, который жаждал увидеть родину, услышать что-то родное и убедиться в том, что его не забыли, любят и помнят именно как грузина, а не только как поэта-барда. Он был очень благодарен за фильм. Шутил: «Про меня говорят, что я журналистов не люблю, но если журналистка – Наночка, то, конечно, я люблю». Оля, его жена, мне тогда сказала: «В ночь перед показом он не спал. Говорил, «хорошо, что именно моя родина сняла этот фильм». Он очень любил Грузию. Незадолго до смерти поехал в Париж на лечение, где и умер, Оля рассказывала: «Он плохо себя чувствовал, но держал фасон, будто ему хорошо». На мой вопрос, какой диагноз поставили Булату, Оля ответила: «Ностальгия по родине».

В барокамере с камерой

– Мы с Володей первыми из журналистов сняли операцию на открытом сердце, проведенную Лео Бокерия в барокамере. Тогда я работала в Москве

специальным корреспондентом. Это был май, канун праздничных мероприятий по случаю Дня Победы. Я сижу дома и смотрю по телевизору трансляцию вручения Ленинской премии. Вдруг вижу грузинское лицо – в тот день за операцию в барокамере награду получили кардиохирурги Бокерия, Бураковский и Бухарин. Позднее я называла их «Великолепной тройкой». Позвонила Вова, говорю: «Подготовь камеру, мы едем снимать Бокерия». Мы приехали в Институт сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева на Ленинском проспекте. Навстречу нам неторопливой тбилисской походкой вышел молодой, худой Лео. Ему тогда не было и сорока лет. И мы присутствовали на этой уникальной операции в барокамере. Надо признать, было нелегко. Лео изумлялся: «Там даже мне трудно работать, а она выдержала». В общей сложности мы снимали этот фильм семь лет, в него также вошли операции по мерцающей аритмии и по пересадке сердца собаке.

– *Собаке?*

– Дело в том, что тогда в Советском Союзе еще не было закона о пересадке сердца человеку. После остановки сердца у специалистов есть двадцать минут, чтобы извлечь орган и перенести его в холодильник для последующей трансплантации. Но, оказывается, когда останавливается сердце, мозг живет еще два часа, и человек все слышит... Тогда в медицинских кругах было принято считать, что первую операцию подобного рода сделал профессор Бернад. На Филиппинах, где он работал, не было закона, запрещающего такие операции на человеке. На самом деле, первую такую операцию сделал Бокерия, а Бернад был его учеником... Потом, после Москвы, мы поехали в Очамчир, родной город Бокерия. Поехали с ним на кладбище, где похоронены родители, оставили его одного перед могилой, но Вова держал камеру включенной. Лео положил руку на надгробную плиту, ласково погладил ее со словами: «Сколько всего я мог бы для вас сделать сегодня». В его детстве семья испытывала финансовые затруднения... Когда он увидел эти кадры, на его глаза навер-

нулись слезы: «Когда вы успели это снять?» Помню, когда мы смонтировали фильм и показали руководству Первого канала, одна из начальниц сказала: «Вырежьте из фильма операцию на сердце». Я ответила: «Но что же тогда останется от фильма?» А Вова мне глазами показывал: «Молчи, не спорь», а сам во всем с ней соглашался, обещал, что вырежет все «ненужные» кадры. Когда мы вышли из кабинета, я кипела от негодования: «Что значит «вырежу»?!» Но он был дипломатом и объяснял мне, что руководству ничего не стоит перекрыть нам кислород и отправить фильм «на полку». «Подожди, повремени, скажи «да», но делай по-своему», – говорил Вова. В то время главным редактором журнала «Народное образование» был ныне покойный Резо Двалишвили. Я привела его в студию под вечер, когда уже все ушли, и показала наш фильм. Он сказал: «Ничего не трогай, это же бомба, а ты – журналист».

– *А ведь советская цензура была очень жесткой.*

– Это так. Когда мы сдавали текст, его сначала читал редактор, потом главный редактор, затем заместитель председателя телерадиокомитета Ивлита Месхишвили, потом цензура и, наконец, если в материале было что-то сомнительное и внушающее опасения, тогда читал сам председатель. Многие хорошие фильмы так изрезали. Поэтому я никогда не бралась за материал, если не была в состоянии защитить его от цензуры. Конечно, я страдала, потому что многие темы не удалось осветить именно по данной причине. Но по природе я оптимист, не унываю и постоянно работаю над новыми проектами. С некоторыми из них ознакомлю общественность уже в текущем году.

– *А как вам удалось обойти цензуру в случае с фильмом о Лео Бокерия?*

– Начальство подписало разрешение на выход в эфир с условием, что мы сделаем необходимые купюры. А мы взяли и пустили фильм без купюр. Он произвел настоящий фурор. И победителей судить не стали.

Фотографии из архива Национальной библиотеки Грузии

ШИРВИНДТ – ДРУГ. СПАСИБО, ЧТО ВЫБРАЛ

Насмешливый, отважный, любящий, строгий, легкомысленный, ленивый, деятельный, очень красивый, грустный, безмерно обаятельный, находчивый, верный... Умный и добрый.

■ Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

19 июля Александру Анатольевичу Ширвиндту исполнилось бы девяносто. Он не дожид до этой почтенной даты. Да и не собирался доживать. Но, если по совести, разве он не продолжает жить в миллионах сердец? Живет, и все тут.

Мне страшно повезло, я с ним дружила тридцать лет. Юбилей... Это ли не повод, чтобы рассказать об участнике и организаторе множества дружеских событий, памятных дат и праздников?

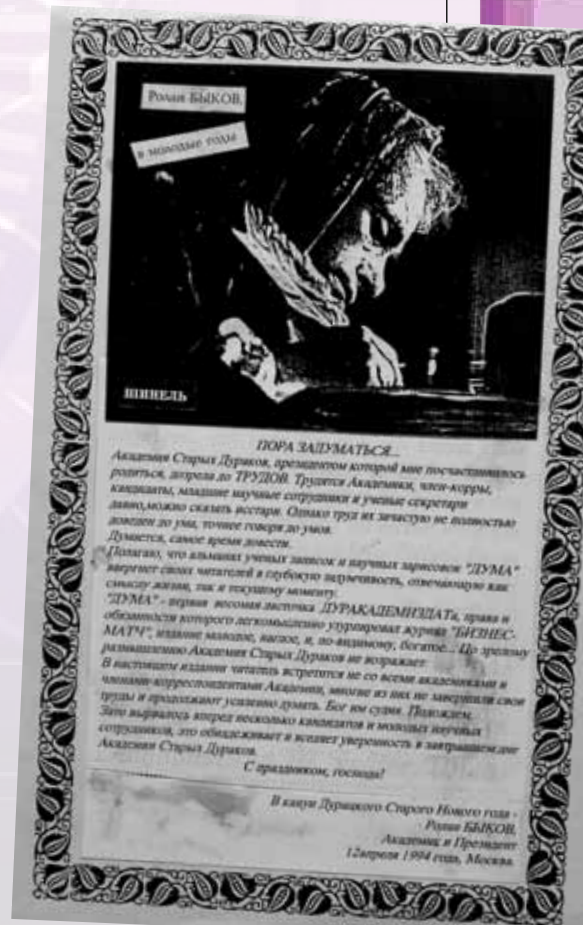
Вот сейчас, сию минуту, я рада, что могу вспомнить два-три эпизода нашей, такой живой, дружбы...

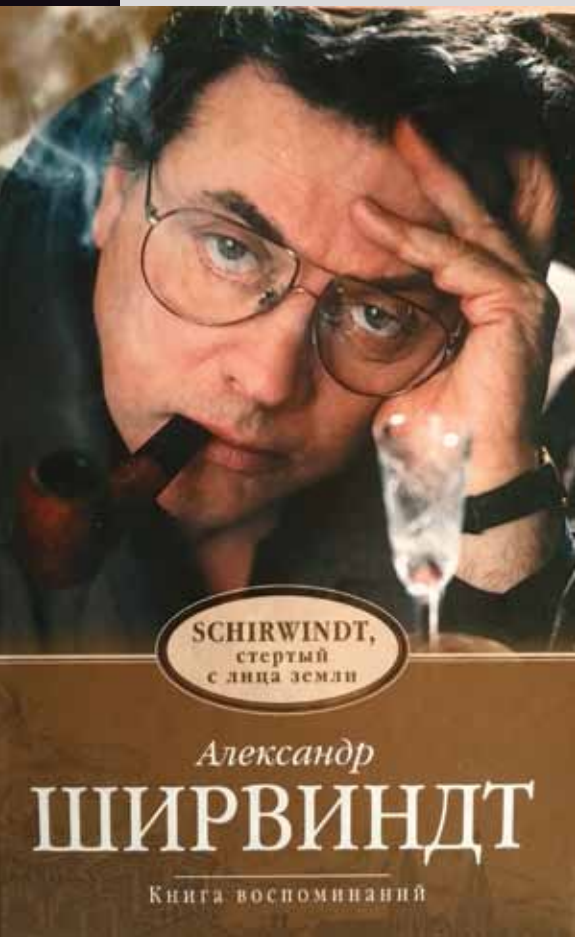
Дружить – вовсе не значит видеться каждый день. Так только в детстве бывает, когда мальчик и девочка договариваются – «давай дружить!..» Дружба взрослых и занятых людей – это взаимная и радостная готовность увидеться хоть когда-нибудь... Дружба – многотерпелива. Она постоянно ждет и не пропускает редких поводов повидаться. Прожить с другом какой-то момент, пусть небольшой, но яркий и важный сюжет жизни.

Так по большей части Ширвиндт и дружил. На моей памяти, например, с Роланом Быковым. У Александра Анатольевича было много друзей. Но именно Ролан Антонович нас с ним познакомил.

У истока нашей с Ширвиндтом дружбы есть почти точная дата: 12 апреля 1994 года. Сохранился исторический документ – в подписи Ролана Быкова на одном документе. А первое и мимолетное знакомство случилось за неделю до этой даты...

В те, совершенно немислимые, времена я спасалась тем, что, бежав в Москву от гражданской войны в Грузии, стала издавать журнал международных проектов «Business Match» (по-

русски – «БМ»). По счастливой случайности редакция его разместилась в Фонде Ролана Быкова на Чистых прудах. В то же время я писала стихи и выпускала книжки авторов, которые мне нравились (напечатала и первую книжку стихов Ролана Быкова, с которым у нас сложились чудесные отношения – творческо-деловые). Фонд (собственно, сам Ролан) постоянно что-нибудь невероятное для детей и юношества затевал – от международных детских кинофестивалей до Всероссийских новогодних праздников и конкурсов. Ролану Антоновичу были нужны соучастники. Я и мой журнал соучастниками несомненно были.

И вот в начале апреля 94-го Быков звонит мне в редакцию и говорит: «Зайди, есть идея!» Я пошла с седьмого этажа на третий – в кабинет Президента Фонда кино для детей и юношества. Вхожу, и немедленно слышу: «Ты знаешь, что клоунский коллектив «Лицедеи» во главе со Славой Полуниным основал в Питере Академию Дураков?!

Это обидно. У Славочки в Питере, значит, будет своя Академия... А у нас в Москве, что ли – нет, не будет?»

Я помалкиваю, жду. Ролан знал, что с Лицедеями я вместе с дочкой ездила на их первые гастроли в Париж. Так совпало, что знаю и люблю всех этих сумасшедших клоунов, и Ролан их, конечно, любит. Значит, я ему для новой затеи нужна... Ролан продолжил: «Так вот, у нас будет своя Академия Дураков. Но лучше – Академия Старых Дураков! Через неделю первое заседание. Проведем выборы Президента, Академиков и Членкоров. Участвуешь? Сейчас, кстати, один членкор подойдет».

В самом деле, дверь в кабинет Быкова открылась и вошел – Ширвиндт! Совсем не старый, и не дурак, большой, небрежный и красивый. Он заглянул мне в глаза и представился: «Шура. Друг вашего президента».

Имелся в виду Ролан Антонович. Я тогда же поняла, что Шура и Ролан в самом деле близкие друзья, оставила их и отправилась восвояси, на седьмой этаж, чтоб думать, чем я могу послужить будущей Академии.

Занята я тогда была страшно, редакция «БМ» состояла из 3-х штатных сотрудников: верстальщика, завотделом рекламы и толстого двадцатилетнего мальчишки, который сам себя называл генеральным менеджером (будучи примерно завхозом). Его звали Димон. Но в те годы, когда закрылись все советские конторы, внештатных сотрудников было много. Начальницей, главным редактором, корреспондентом и фотографом в журнале была я. В тот день мне, возможно, предстояло брать интервью у космонавта Владимира Джанибекова – о будущем русской космонавтики, или беседовать с академиком Велиховым – о судьбе Токомака (тороидальная установка для магнитного удержания плазмы с целью достижения условий, необходимых для протекания управляемого термоядерного синтеза)... Да, такие были времена в доме на Чистопрудном бульваре, 12, где совсем недавно царил некое загадочное советское учреждение Министерство заготовок СССР. А ныне по коридорам бегали дети

из студий мультипликации, авиамоделирования, лепки, хорового пения и бог знает чего еще. Правда, один этаж занимал некий банк, который еще не открылся, но собирался...

В тот же день я придумала, чем могу быть полезна новой Академии. Членкоры и академики, как известно, создают и публикуют научные труды. Стало быть, к первому заседанию можно и должно издать альманах с их учеными записками. И пусть называться он будет «ДУМА старого дурака».

Быкову название понравилось.

Мы, естественно, после минутного знакомства с Александром Анатольевичем Ширвиндтом друзьями не стали. Как это ни странно, в отличие от миллионов соотечественников, я вообще мало что знала об этом человеке. Всю жизнь до этого жила без радио и телевизора. В Москве оказалась в 90-м году беженкой без паспорта и без квартиры (мою в Тбилиси сожгли). Журнал свой зарегистрировала по справке об утере паспорта, а когда вышел первый номер «БМ», МИД выразил интерес к нему, выдал мне свой мидовский загранпаспорт гражданки России. Все по той же справке об утере паспорта. Невероятно, но факт.

И так, за неделю до открытия

названной Академии мы просто переглянулись с Шурой Ш. Правда, однажды, задолго до знакомства, я все же вживую видела Ширвиндта – в «Кабале святош» в постановке Эфроса. В принципе, и этого было бы достаточно, чтоб запомнить актера Ширвиндта навсегда, я и запомнила. Ну и того, как он, знакомясь, заглянул в глаза – тоже было бы достаточно... Чудовищно был обаятелен, и без всяких усилий для себя. Одно помешало влюбиться сразу же: больно уж всеми-всеми-всеми Александр Анатольевич был любим... Мы, девушки со станции Мулянка (там я провела свое счастливое детство-юность), что на Западном Урале – были очень гордые, но и независимые от «всех-всех-всех»...

За неделю мне предстояло не только собрать, но и издать в количестве 100 экземпляров обещанные Быкову «труды академиком». По просьбе Ролана два мужика в красных пиджаках притащили в редакцию из еще не открывшегося банка здоровенный ксерокс. Наш юный генеральный менеджер (Димон) выпил с ними бутылку коньяка. И понеслось. Димон вдохновенно подключился к организации торжественного открытия Академии Старых Дураков – лично Ролан Антонович ему это поручил, забыв посоветоваться со мной. Ну и слава богу – подумала я. Мне же Быков передал список членкоров и полных академиком – он их о своей затее будто бы предупредил, осталось, якобы, только «труды собрать». И я, отложив в сторону все заботы о журнале международных проектов, занялась трудами легкомысленнейшей из Академий. Дело это было тяжелое и неблагоприятное. Все милейшие люди из быковского списка – Гафт, Хазанов, пародист Иванов, Слава Полунин, композитор Богословский и еще с десятков имен – были чрезвычайно востребованы, и уж точно никакими «академическими трудами» делиться и не думали. Большинство из них и прийти не обещали – были в отъезде, в гастролях, а то и в больничке. Быкову все передавали сердечный привет. О чем Ролану Антоновичу я и сообщила. Но он был совершенно спокоен: «Если Шура будет – а он точно будет! – то и все, хоть на костылях, а прибегут,

приедут, прилетят. А ты делай, что должна, на тебе – «ДУМА»!».

И тогда я нашла телефон человека, которого в списке не было – Булата Шалвовича Окуджавы – и ему позвонила. Объяснила, что звоню по поручению Ролана Быкова, который стремится стать президентом Академии Старых Дураков. Булат Шалвович помолчал и сказал: «Вообще-то я болею, а так бы к Ролочке пришел. Но лучше вы приходите ко мне, подумаю, какими трудами смогу помочь». И я побежала к нему в Безбожный переулок, и он открыл мне дверь, и мы, опять-таки, как недавно с Ширвиндтом, переглянулись, и поговорили, и он, за чаем на кухонном столе написал мне в блокнот свою «Песенку о дураках». С этого момента я поняла, что смогу «хоть к послезавтру» издать «Думу старого дурака». Позвонила своим близким друзьям – лауреату Госпремии по архитектуре и заодно писателю чудесных маленьких рассказов Саше Великанову, а еще – знаменитому художнику-графику Миرونу Лукьянову. Затем заглянула в сборники пародиста Александра Иванова, ну и свой стишок про то, о чем думают старые дураки, написала. А Ролан Быков надиктовал мне свое вступительное слово. Но гвоздем выпуска для меня, редактора-составителя, остался автограф Окуджавы...

В последнюю ночь перед торжественным открытием Академии мы с самыми ответственными внештатными корреспондентами «БМ» слепили, отксерили и сшили «Думу». 100 экземпляров. Всю ночь с нами толкось Димон, был очень восторжен и счастлив. Это меня насторожило. Но какой-то Дворец культуры для открытия Академии он будто бы нашел, да и зрителей с академиками оповестил, и афишу заказал. Деньги он взял из журнальной тумбочки-сейфа, и Ролан из своего сейфа тоже достал. Ну, ладно... Правда, ДК был у черта на рогах, зато там «пробок не бывает и парковка большая». Это все, что мой генеральный менеджер мне сказал, убегая из редакции, когда уже рассвело. Захлопнув дверь, он снова заглянул, чтоб сообщить, очевидно, самое главное: «Я еду искать себе фрак!»

Вечер был на удивление теплый и солнечный, в половине седьмого я была действительно далеко от центра и действительно на большой и пустой парковке возле Дворца культуры. У служебного входа Дворца было тоже пусто, и дверь была закрыта. Я с сумкой, полной «Дум», пошла к главному входу. Он был тоже закрыт. Обещанной Димон афиши тоже нигде не было. Может, я не туда приехала?

Должна напомнить, что шел 1994 год, не было тогда мобильной связи и вообще почти никакой. Телефоны в будках любители вырывали с корнем. Я принялась колотить каблуком в могучую дверь. О чудо, она в конце концов открылась. Сонный дядька спросил: «Что стучитесь?» Я ему напомнила, что сегодня здесь открытие Академии. Дядька довольно трезво мне ответил: «Так это ж в семь». Было без четверти.

Дальше было хуже. Я вошла в пустой и темный ДК. По обрывкам разговоров по телефону с Роланом Быковым моего Дмитрия-самозванца я знала, что в

Александр Ширвиндт и Анна Бердичевская

парадном фойе дворца будет небольшая эстрада с микрофоном, небольшой джаз, и еще будут столики с легкой закуской и немного шампанского для праздничной атмосферы. Что приглашенных гостей будет немного, не больше ста - все солидные бизнесмены, видимо, во фраках... Что будут еще студенты окрестных вузов – участники КВН, но совсем уж немного...

Ничего этого не было совсем. Правда, пришла немолодая женщина, сотрудница ДК. Про Академию и про Ролана Быкова слышала, но не поверила. Ни о каких приготовлениях не знает. Директор ДК полгода как уволен, его заместитель в отпуске.

В половине восьмого приехал-таки мой восторженный и взмокнувший Димон. Во фраке и с миллионом алых роз. Оказывается, он вс[] никак не мог найти фрак по размеру, а потом уснул... - ну, конечно - не выспался же! Но всех, кого смог, он предупредил, что вечер сдвинется на час, час-двадцать, максимум два. И денег у него не осталось. Видимо, свой фрак он не одолжил, а честно купил...

Но стулья-то и столики должны найтись во Дворце! Тут прибежали десятка два парней и девчонок, по виду – простодушные и радостные пэтэушники из соседнего общежития, все – близкие друзья Димона. Вот они-то были очень кстати. Своему «менеджеру» (с тех пор терпеть не могу это загадочное слово) я сказала, что он уволен, но может посидеть в сторонке. И с помощью набежавшей вполне симпатичной шпаны, под руководством сотрудницы был организован в фойе некий зрительный зал, перед которым был поставлен длинный стол под бархатной скатертью – для академиков. Посредине стола сотрудница поставила огромную, как бы китайскую вазу с розами от Димона... Тут и начали пребывать Академики. Первым пришел Геннадий Хазанов, увидел меня, сидящую с «трудами академикова». Спросил, что происходит, и почему здесь, и где Ролан, который его вызвал с дачи. Я, чувствуя, что, кажется, начинается скандал, попыталась улыбнуться и сказала: «Подождем – увидим»... Тут, слава богу, приехал Ролан с женой – пэтэушники его

узнали и стали хлопать в ладоши. Появились в приподнятом настроении Гафт с Ивановым – авторы эпиграмм друг на друга и на Ролана. Притекли незаметно и «солидные бизнесмены с дамами». Не бог весть какие солидные, в те времена бизнесмены были еще молодые, из комсомольцев и младших научных сотрудников. Ни одного во фраке. Их, слава богу, было не сто, поменьше... Хазанов продолжал сидеть рядом со мной и задавать один и тот же вопрос: «Нет, вы скажите, что это? Где я?»

В это время неожиданно вошел Алексей Баталов! Ролан, сидевший аккуратно за букетом роз, выглянул из-за вазы, к нему ринулся Баталов, они обнялись. «Сейчас поймете, что это!» – шепнула я Хазанову, почти торжествуя.

Но радость была не полной. Не было у академиков микрофонов, акустика в фойе была ужасная, стихийные наши зрители, как и Хазанов, тоже не понимали, куда попали, а от близкого присутствия знаменитостей еще и робели... Программа не клеилась! Ролан, человек неробкого десятка (ему, бывало, Госдума первого созыва аплодировала так, что потом вся страна гудела), приуныл...

Я уже и забыла, что должен прийти Шура Ширвиндт, не заметила, как и куда исчез Геннадий Хазанов... За длинным столом Академики друг с другом переговаривались, даже посмеивались, но как-то вяло. А зрители жили своей одинокой и неинтересной жизнью. В общем, происходил тихий провал.

Но – не тут-то было!!!

Вдруг, как с небес, раздался громкий голос: «Вы чего тут в темноте сидите?» И я заметила, что и правда – сидим в темноте. Немедленно зажегся свет, и вошли четверо – Ширвиндт с женой и Державин с женой. Надо сказать, они не опоздали, Ширвиндт, как порядочный человек и друг, Ролана предупредил, что у них с Державиным спектакль и они приедут позже всех. Но пришли – как раз вовремя!

Шура помахал мне рукой, выхватил из пачки одну «Думу старого дурака» и раскатисто спросил: «А где президент Академии Старых Дураков?! Ролан, ау!» – «Я здесь!» – послышалось

в ответ. И счастливая физиономия Ролана Антоновича возникла из-за роз.

Первое, что сделал Шура, он спустил на пол вазу, распорядился ее убрать, но не далеко – еще пригодится. Затем, оглядев помещение и людей, все сразу оценил, и тут же все исправил. Шпане велел составить все столы буквой П, пересадил академиков на верхнюю перекладину П, остальным повелел сесть по бокам. Обратился к солидным бизнесменам: «Мужики, скиньтесь и организуйте гонцов в гастроном, и чтоб приборы были!». Немедленно и с радостью было исполнено. Вычислив сотрудницу дворца, повелел ей вскрыть аппаратную и добыть микрофоны, а заодно и магнитофон.

Все дружно и благодарно зашевелилось, жизнь приобрела смысл, всех превратив в соратников. Через четверть часа Академия Старых Дураков была торжественнейшим образом, громко и отчетливо, но главное – счастливо для всех – открыта! Под внезапно всплывший из магнитофона марш Мендельсона! Не худший из маршей. И более жизнеутверждающий, чем похоронный Шопена.

Все стали по-настоящему свободны и талантливы – как Ширвиндт!.. Даже Димон, который снял свой сюртук с хвостами, свой фрак, и с приятелями пил ситро и шампанское, закусывая свой позор сыром и колбасой.

Но и это еще не все. Ширвиндт разглядел в происходящем сюжет на лету родившейся пьесы, вскрыл «коварную академическую интригу»! Возник главный, как всегда, в России вопрос – о справедливости! Почему это – Ширвиндта с Державиным принимают всего лишь в члены-корреспонденты Академии Старых Дураков, а Лешу Баталова, который даже и не старый, и не дурак – совершенно без очереди! – в полные Академики?!

Господи, как мы все – академики, жены академиков, ребята из общежития ПТУ, солидные бизнесмены, их дамы, и еще понабежавшие со всех этажей Дворца граждане, и даже заглядывающий в открытые окна народ с улицы – дружно, до слез

А. Ширвиндт в спектакле «Где мы?!..»

хотали в тот вечер! И, конечно, Ролан прочел свое вступление к «ученым запискам академиком», а какой-то парень с гитарой спел окуджавскую песенку про дураков.

А потом были танцы под магнитофон, до раннего весеннего рассвета. Как когда-то на моей станции Мулянка в клубе «Прогресс». Шура Ширвиндт, как выяснилось, еще и танцевал хорошо.

На прощание всем дамам были подарены розы. Такие дела...

Любить можно и без взаимности. Но дружба – дело обоюдное, хотя и не ежедневное и даже не ежемесячное. И все-таки – постоянное. Шура дарил мне все свои книжки. И мою самую любимую, хотя и не самую веселую – «Ширвиндт, стертый с лица земли». Она о городе в Восточной Пруссии, о родине его предков и фамилии Шуры...

Мне всегда было легко позвонить ему, например, чтоб позвать прочесть рассказ Андрея Битова из книги «Победа» – о русских и немцах после Великой Отечественной. На презентацию книжки мы прогулялись вместе,

пешком, по улице Гончарной, от его дома на Котельнической набережной до Дома русского зарубежья, что у Таганки... Туда, на презентацию «Победы», пришел немецкий атташе по культуре с небольшой немецкой толпой из своего посольства... С Битовым Ширвиндт был знаком, но именно там они – Шура и Андрей – подружились. Мы и потом встречались, вместе и порознь...

Много всего невероятно хорошего было. Конечно же, я, как и весь зал в театре Сатиры, была влюблена в сыгранного Ширвиндтом стихотворца Орнифля из пьесы Жана Ануя. Я бывала на юбилейных вечерах его любимых старых актеров, как и на юбилее Юрия Никулина в цирке на Цветном Бульваре, как и там же, в цирке Никулина, на 65-летию Ролана Быкова... И на похоронах Ролана мы с Ширвиндтом рядом стояли в церкви, на отпевании. Он мне шепнул: «Чего-то я не верю. Вряд ли он умер»...

Я не только с Шурой дружила, я видела многие его дружбы... И нигде, ни разу он не изменил ни себе, ни всем своим многочисленным друзьям. Включая меня. Спасибо, что выбрал.

От последней его роли в театре (он пригласил меня на премьеру) у меня буквально сжалось сердце. Как будто круг замкнулся. Все последние годы он играл в спектакле, который назывался «Где мы?!..» – старого клоуна с красным поролоновым носом, которым иногда швырялся, когда сердился... Играл именно «старого дурака», как тридцать лет назад, в неизвестном ДК, для своего друга Ролана... Его последний герой – старый, большой, больной и красивый клоун – живет хоть и в собственном доме, но превращенном кем-то в настоящую казенную психушку... Но и там, в этом спектакле, в этой психушке, он умудрялся утешать и дружить – со зрительным залом (где, как он мне когда-то сказал, ровно 1206 мест, и они должны быть всегда заняты зрителями!), и со всеми его партнерами по сцене, сплошь несчастными психами. И конечно – со мной. Я ведь тоже бывала в зале.

Вот так мы с Шурой Ширвиндтом и дружили...

Нет, я продолжаю дружить!
И вам всем советую.

ЮБИЛЕЙ МОСКОВСКОГО «БОЛЬШОГО ВАЛЬСА»

■ Владимир ТАВАДЗЕ

Десятки тысяч участников собрал 80 лет назад на московских улицах «Большой вальс». Так назывался один из любимых фильмов Сталина, в 1938 году снятый в Голливуде и через пару лет попавший в СССР. И именно под таким наименованием, чтобы сделать приятное вождю, в служебных документах НКВД зафиксировали грандиозное действо, проведенное 17 июля 1944 года. Официальное же его название – «Конвоирование военнопленных немецко-фашистских захватчиков по Москве», а в памяти народной оно осталось, как «Парад побежденных».

Вообще-то в самом мероприятии не было ничего нового. Еще в начале Первой мировой войны немцы провели по улицам Кенигсберга взятых в плен солдат 2-й русской армии генерала Александра Самсонова, потерявшей поражение в Восточной Пруссии. Парады австрийских и германских военнопленных прошли в 1914-м в Москве и Петрограде. Да и в том же июле 1944-го немцы прогнали по Парижу пленных американцев, англичан и канадцев. Но такого масштаба, как у «Большого вальса», и такого уровня атмосферы позора для его конвоируемых участников история еще не

знала. А предшествовало этой «постановке» «сценариста» Иосифа Сталина и «режиссера» Лаврентия Берия вот что.

Летом 1944 года в ходе Белорусской наступательной операции, названной «Багратион» в честь Петра Багратиони, выдающегося полководца, представителя картлийской ветви грузинского царского дома, была разгромлена гитлеровская группа армий «Центр». При крупнейшем за всю военную историю Германии поражении немецкой армии были убиты около 300 000 и попали в плен около 150 000 солдат и офицеров. Из 47 генералов, командо-

вавших в вермахте корпусами и дивизиями, 21 был взят в плен.

Столь грандиозная победа многим в стане союзников показалась не совсем реальной. Некоторые издания даже предполагали, что Москва специально преувеличивает свои достижения, чтобы затмить впечатления от высадки англичан и американцев в Нормандии. И руководство СССР решило продемонстрировать союзникам успехи в войне, а советским людям – поднять дух. Говорят, Сталин даже заявил, что заокеанским союзникам не помешает посмотреть «Большой вальс» в советском исполнении. К тому же, все прекрасно помнили, что в 1941-м Гитлер заявлял на весь мир: его солдаты пройдут маршем по Москве.

Для участия в «Параде побежденных» были выбраны военнопленные, захваченные в ходе операции «Багратион» – чтобы не задействовать лишние транспортные ресурсы. Ведь все крупные лагеря пленных находились в восточных районах, и отправляющиеся туда команды можно было на несколько дней задержать в столице. Командующие 1-м, 2-м и 3-м Белорусскими фронтами получили приказ провести отбор наиболее выносливых и здоровых пленных, захваченных во время боев в Белоруссии.

Шествие назначили на 17 июля 1944 года, но, чтобы собрать к этой дате в одном месте десятки тысяч человек, требовалось время. Первые 11 эшелонов прибыли в Москву еще 1 июля, а последний – лишь вечером накануне парада. Пленных выгружали на станциях Москва-Товарная и Беговая. Большинство из них разместили на Московском ипподроме, где был организован специальный концентрационный лагерь. Временные пункты размещения были созданы также на стадионе «Динамо» и выездном поле Кавалерийского полка дивизии имени Дзержинского.

Трудно даже представить себе, сколь масштабную агентурно-оперативную работу по изучению настроений среди пленных развернули сотрудники НКВД. Ведь надо было полно-

стью убедиться в том, что собранные в громадную массу в сердце столицы гитлеровцы не почувствуют себя силой и не попытаются эту силу проявить. Среднестатистическая немецкая дивизия насчитывала примерно 17 тысяч человек. И получалось, что одна из воюющих стран впускает в собственную столицу практически четыре пехотные дивизии противника.

При этом впервые были сознательно нарушены всегда и всеми соблюдавшиеся правила – отделять рядовой состав от командиров, способных даже в плену составить грамотный план побега или бунта, спровоцировать своих привыкших к беспрекословному исполнению подчиненных на активные действия и возглавить их.

Была и другая опасность – москвичи в рядах зрителей могли не сдержать эмоций, и все могло бы закончиться кровавым побоищем. В этом случае репутация страны на международном уровне была бы безнадежно испорчена. И уж совсем страшно представить, что конвоирование фашистов бойцы НКВД применят ради их защиты от разъяренной толпы грубую силу, и даже оружие... К счастью, никаких проблем с шагавшими по Москве гитлеровцами не возникло. Они полностью покорились судьбе.

О сути того, что готовится 17

июля, был проинформирован лишь очень узкий круг командиров. Большинство исполнителей на местах иногда вообще не понимало, для чего осуществляют те или иные мероприятия. Фронтовые офицеры и предположить не могли, зачем в Москву срочно отправляются десятки тысяч военнопленных. Военврачам не сообщили, с какой целью они «фильтруют» пленных, а просто приказали выбрать тех, кто может выдержать дневной марш и не имеет никаких инфекций.

К конвоированию «парада» привлекли свыше 16 тысяч военнослужащих НКВД и Красной Армии, подразделение дивизии имени Ф.Э. Дзержинского, 36-ю и 37-ю дивизии конвойных войск. Колонны сопровождали всадники с обнаженными шашками и рядовые бойцы НКВД с винтовками наперевес. Их срочно переодели в новенькую форму, выдали укороченные кавалерийские карабины, но до последнего момента не сообщали, к чему готовятся.

Глава НКВД Берия еще 15 июля докладывал Сталину: «Конвоирование военнопленных через Москву будет начато в 11 часов утра 17 июля с Ипподрома по Ленинградскому шоссе, по улице Горького через площадь Маяковского, по Садово-Каретной, Садово-Самотечной, Садово-Сухарев-

Выдача горячего питания перед маршем

ской, Садово-Черногрязской до площади Курского вокзала. По этому маршруту пройдет всего 18 эшелонов. От площади Маяковского по Большой Садовой, Садово-Кудринской через Крымскую и Калужскую площади и по Большой Калужской пройдет 8 эшелонов.

Руководство движением колонн осуществляет командующий войсками МВО генерал-полковник Артемьев. Поддержанием порядка на улицах и организацией движения транспорта и пешеходов руководят комендант города Москвы генерал-майор Синилов и начальник милиции города Москвы комиссар милиции 2-го ранга Романченко».

О том, что будет происходить в их городе, москвичам сообщили в день самого «вальса». Утром появилась информация в «Правде», а в 7 часов утра по Московской радиосети было передано сообщение: «Управление милиции города Москвы доводит до сведения граждан, что 17 июля через Москву будет проконвоирована направляемая в лагеря для военнопленных часть немецких

военнопленных рядового и офицерского состава в количества 57 600 человек из числа захваченных за последнее время войсками Красной армии 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов.

В связи с этим 17 июля с 11 часов утра движение транспорта и пешеходов по маршрутам следования колонн военнопленных... будет ограничено. Граждане обязаны соблюдать установленный милицией порядок и не допускать каких-либо выходов по отношению к военнопленным».

Многие из немцев были уверены: их привезли для показательных массовых казней. Но неожиданно для себя они получили усиленное горячее питание: наваристую кашу из полевых кухонь и хлеб с салом. А пожарные привезли им воду. Правда, ее хватало лишь на то, чтобы напиться, и было недостаточно для умывания или бритья.

Идти по Москве немцам пришлось немывыми, зачастую только в белье и без обуви. К 11 часам утра 17 июля 57 600 пленных разделили на две группы и построили в соответствии со званиями. Во главе колонн

шла группа из 19-ти генералов и 6-ти полковников. Только им позволили привести форму в порядок и надеть награды.

Слово – известным литераторам, которые в качестве военных корреспондентов освещали «Парад побежденных». В чем-чем, а в образности им не откажешь.

Писатель **Борис Полевой**: «Впереди шли генералы. Немецкие генералы живут дольше немецких солдат, поэтому не исключено, что некоторые из них торжественно маршировали когда-то на берлинской площади в качестве покорителей Европы. На московских улицах «покорители Европы» выглядели очень неважно. Генералы гитлеровских кровавых банд, – они никогда не имели воинской чести, и им нечего было терять. Палачи народов оккупированных территорий, они, вероятно, даже приблизительно не знали, что такое совесть.

Но даже им, этим гитлеровским зубрам, было явно не по себе, когда они проходили сквозь строй молчаливых, гневных, ненавидящих взглядов москвичей, стоявших бесконечно-

ми сплошными шеренгами на тротуарах. Медленно и тяжело, глядя себе под ноги и не смея поднимать глаз, идет грузный, угловатый генерал-майор Гаман, комендант и главный палач города Бобруйска; прославившийся до этого своими кровавыми «подвигами» в Орле. Он ни разу не поднял своего взгляда.

Рядом с ним в орденах, в островерхой фуражке шел огромный, плечистый генерал-майор Эрдмансдорф. Он все время боязливо озирался, и когда в толпе слышался свист или какая-нибудь женщина, не сдержавшись, выкрикивала проклятия, он вздрагивал и втягивал голову в плечи. Низенький, толстый, краснолицый генерал-майор Михаэлис, человек, славившийся своей жестокостью даже в собственных войсках, все время вытирал пот со своей остриженной бобриком головы и заискивающе, угодливо улыбался. Эти заискивающие улыбки были противнее и гадже, чем откровенно ненавидящие взгляды сухого, поджарого генерал-лейтенанта Траута, напоминавшего по хваткам хорька, попавшего в капкан.

За генералами шли колонны офицеров. Огромные сплошные колонны. Еще недавно наглые и самоуверенные, теперь, разбитые на полях сражения... они напоминают скорее скопище бродяг, нежели офицеров регулярной армии. Им оставили их мундиры, их знаки различия, их ордена. Но и все это не делало их похожими на офицеров. Что

же говорить о солдатах, потерявших в дни бегства под ударами Красной Армии всякий человеческий облик?

...Сотни, тысячи москвичей стояли на тротуарах, на балконах, в карнизах окон, в трамваях и троллейбусах и даже на крышах трамваев и троллейбусов, наблюдая прохождение пленных. Они молча смотрели на это бесконечное шествие... Москвичи были исключительно дисциплинированы. Взгляды их были полны ненависти, которая, как казалось, могла испелить, но лишь изредка слышались в толпе выкрики».

Писатель **Леонид Леонов**: «Они плелись мимо нас — долговязые и зобатые, с волосами, вздыбленными, как у чертей в летописных сказаниях, в кителях нараспашку, брюхом наружу, но пока еще не на четвереньках, — в трусиках и босиком... Они шли очень разные, но было и что-то общее в них, будто всех их отштамповала пьяная машина из какого-то протухлого животного утиля».

Французский драматург **Жан-Ришар Блок**, которого москвичи поразили своим «достойным поведением»: «Землистый, серо-черный поток пленных тек между двух человеческих берегов, и шепот голосов, сливаясь воедино, шелестел подобно летнему ветерку».

Драматург **Лев Славин**: «57 000 немцев — и такое разнообразие лиц, характеров, повадок. Во всем этом множестве можно выделить только несколько типов, беспрерывно повторяю-

щихся:

1) юнец с печатью ранней порочности на бесхарактерном лице,

2) тотальный старик с седой щетиной, усталый, равнодушный,

3) тип в очках, с преждевременными морщинами жестокости,

4) тип крестьянский, улыбающийся и явно ошастливленный тем, что уцелел на войне,

5) тип спортивный с циничной усмешкой, сильно смахивающий на профессионального бандита, и, наконец,

6) очень распространенный, устрашающий тип кретина с опущенной челюстью и бессмысленно свирепыми глазами.

Прямо надо сказать: зрелище неприглядное. Недаром матери в толпе прикрывали детям глаза рукой, чтобы им не привиделись страшные сны.

Генералы ежатся. Им не по себе под взглядами москвичей, а еще больше под взглядами собственных солдат... Вслед за генералами марширует полуторатысячная колонна офицеров. Лейтенанты, майоры, подполковники. Пожилые и молокососы. Иные щеголяют выправкой, другие идут как в воду опущен-

Генералов ведут во главе колонны

ные, видимо, махнув на все рукой. Какой-то обер-лейтенант явно позирует и даже вставил в глаз монокль, что составляет комический контраст с его смрадной внешностью. Впрочем, на

полпути он скисает, выпадает из своей глупой роли и шагает, раскрыв рот и глаза по сторонам на красавицу-Москву.

За офицерской колонной идут солдаты, необозримое море пленной гитлеровской солдатни. Вчера ночью они были вдруг разбужены артиллерийским громом. Они вскочили, испуганные, думая, что палят зенитки. А пушки гремели, в небе рассыпались ракеты. Им объяснили, что это салют по поводу взятия Гродно. Один из унтер-офицеров сказал растерянно и с горечью: «В Гродно мы готовили удар. Там были наши резервы. Значит, их нет больше...»

Один обер-лейтенант, просящий не упоминать его фамилии из боязни репрессий в Германии над его семьей, сказал: «В последнее время я хочу только одного: сохранить жизнь». Итак, уже не хлеб Украины, не нефть Кавказа, не «жизненное пространство», а сохранение жизни – вот новое в настроении десятков тысяч немцев лета 1944 года.... В одном месте колонна проходит мимо госпиталя. Раненые в окна смотрят на пленных. Встречая эти взгляды, немцы отворачиваются. «Эх,

типы, – раздается шепот в толпе, – пустить бы на вас инвалидов с костылями». На улице Горького пленные с нескрываемым изумлением глазят на огромные прекрасные дома. Москва-то, оказывается, цела! А им говорили, что она в развалинах.

Многие фрицы несут подмышкой всякое барахлишко, например, подушку или детское одеяло. Многие не имеют головных уборов и обвязали головы фуляром или крестьянским платком, чье происхождение тоже вызывает в толпе живые толки.... Большинство пленных идет молча, согнувшись, точно под тяжестью преступлений, потупив глаза. Но можно заметить, что иногда на секунду они поднимают голову, быстрым взглядом обегают людей и снова потупляют глаза. Другие идут с не опущенной головой, но тоже избегают встречаться взглядом с москвичами, как люди с нечистой совестью.... Постепенно толпа зрителей редет. «Что их, чертей, смотреть, надоело, пошли домой», – говорит девушка подруге. И тротуары принимают обычный московский деловой вид».

Из рапорта Берия в Государственный комитет обороны

СССР: «При прохождении колонн военнопленных население вело себя организованно... Были многочисленные восторженные возгласы и приветствия в честь Красной армии, нашего Верховного Главнокомандования и в честь генералов и офицеров Красной армии. Было большое количество антифашистских выкриков: «Смерть Гитлеру», «Смерть фашизму», «Сволочи, чтобы они подохли», «Почему вас не перебили на фронте» и т.д. Никаких происшествий в городе во время прохождения колонн военнопленных не было».

В одной из колонн были и французы-коллаборационисты, сражавшиеся на стороне немцев. Увидев среди зрителей генерала Эрнеста Пети, который представлял комитет «Свободная Франция» при советском командовании, они стали кричать: «Мы не были добровольцами! Нас призвали насильно. Да здравствует Франция!» Генерал сплюнул и сказал сквозь зубы: «Мерзавцы! Кто не хотел, тот с нами!»

За весь день было лишь пять, как говорится, нештатных ситуаций. В четырех случаях пленным потребовалась медицинская помощь «ввиду ослабления». А в подъезде дома 24 по Большому Каретному зашел немец, каким-то образом ускользнувший из-под конвоя. Он хотел обменять украденную со стройки фанеру на еду. Его обнаружил дворник, показавший характерный жест: тебя повесят! Но тут же живущая в подъезде учительница немецкого языка успокоила «менялу», мол, не бойся, ничего страшного не произойдет. И гитлеровца вместе с фанерой забрали военные.

За колоннами пленных ехали поливальные машины, планировалось, что они символически отмоют землю от «гитлеровской нечисти». Но оказалось, что эти машины нужны не только для символики. Усиленное питание подвело многих пленных, страдавших от нехватки продовольствия — у них случилось расстройство желудка. А поскольку покидать колонны нельзя было под страхом расстрела, после прохода военнопленных улицы имели, мягко говоря, неприглядный вид. Так что их промывка

Завершение шествия

стала не только символическим актом, но и обязательной процедурой гигиены.

К 19 часам участники марша были погружены в вагоны 25-ти эшелонов и отправлены к местам назначения. Пленных генералов по прибытии на Курский вокзал, развезли на автомашинах. Остальных «вальсировавших» отправили в лагеря в различных уголках Советского Союза. Одни из них провели «на восстановлении народного хозяйства» по четыре года, другие — по семь лет. Последних осужденных за военные преступления СССР передал ФРГ в 1955 году.

Показательно, что на шествии присутствовало множество иностранных корреспондентов. Руководство страны известило их о предстоящем событии раньше, чем самих москвичей. К съемкам московского «Большого вальса» были привлечены тринадцать операторов. Сталин позаботился, чтобы информация о марше поверженных врагов была донесена до самых широких кругов мировой общественности.

А вот известная художница Алла Андреева не захотела смотреть на шествие, заявив, что ее «отпугивает средневековость этого замысла». Но из рассказов своих знакомых, побывавших на марше, она запомнила и пересказывала две вещи. Пристальные взгляды немцев на детей, которых прижимали

к себе матери и плач женщин, причитавших: «Вот и наших так где-то ведут». Эти рассказы запечатлелись в памяти художницы «прорвавшейся в них человечностью».

В целом отношение к параду «пленных» в Германии до сих пор связывают с нарушением Конвенции 1929 года о «защите военнопленных от оскорблений и любопытства толпы». Напоминая об этом, Бертольд Зеевельд, исполнительный директор влиятельной газеты Die Welt, очень популярной у немецкой бизнес-элиты, любил подчеркивать: «Советский диктатор Сталин показал миру результаты своего белорусского блицкрига. Около 55 тысяч измученных пленных немецких солдат прошли по улицам Москвы. Их сопровождали красноармейцы со штыками и конные казаки. Были попытки нападения на пленных, которые предотвратили конвоиры». А немецкий историк Карл-Хайнц Фризер утверждал, что этот публичный показ противоречил законам войны.

Что ж, духу конвенции это и впрямь противоречило. Но не надо забывать: СССР изначально Женевскую конвенцию, касавшуюся именно обращения с военнопленными, вообще не подписывал. И лишь в 1949 году подписал Третью Женевскую конвенцию, запрещающую подобные мероприятия как «бесчеловечные».

ПЕЛЕ МИРОВОГО ГАНДБОЛА

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

Имя легендарного грузинского гандболиста Джемала Церцвадзе хорошо известно любителям и специалистам гандбола в десятках стран мира.

В 1958-1975 годах Джемал Церцвадзе выступал за знаменитый тбилисский клуб «Буревестник», сыграв большую роль в том, что эта команда два раза стала чемпионом СССР (1962, 1964), три раза (1965, 1966 и 1967) – вице-чемпионом СССР, один раз (1963) – бронзовым призером первенства. В 1962-1971 годах Джемал десять раз подряд становился лучшим бомбардиром чемпионатов СССР. В составе сборной СССР забил

276 голов в 78 матчах, играл на трех чемпионатах мира, два раза признан самым техничным игроком ЧМ. Три раза был включен в символическую сборную мира. Два раза выступал за сборную мира. Признан лучшим гандболистом Грузии XX века. Основал первую в СССР школу гандбола для олимпийских резервов. Она до сих пор носит его имя.

В 1966 году, на международном турнире в Дании, где грузинские гандболисты заняли первое место, за фантастическую технику, финты, непредсказуемые броски журналисты назвали Церцвадзе «Пеле мирового гандбола». В 1967 году, на

чемпионате мира в Швеции, это имя окончательно закрепилось за Джемалом, и так его называли во многих странах мира.

В высшей степени техничная и невероятная артистичная манера игры сделал Церцвадзе кумиром болельщиков. Его «гандбольные спектакли» приводили всех в восторг. Профессионалы признают, что броски и трюки Церцвадзе никому не повторить – по остроумию и элегантности ему не было равных. Церцвадзе часто бросал, находясь спиной к воротам противника. А когда выходил на пенальти, трибуны начинали скандировать: «Цирк давай, цирк!» «Цирк» был в том, что Джемал, обладая громадной кистью, очень энергично делал один или два ложных замаха. Вратарь не выдерживал напряжения, прыгал в угол за ожидаемым мячом, а Джемал изящно отправлял мяч в другой угол. Зрители ликовали.

В мае этого года в Тбилиси, на улице Кекелидзе, у дома 25, где в 1972-2019 годах жил Д. Церцвадзе, по инициативе Сакребуло Тбилиси и Международного фонда спорта, туризма и молодежи состоялась церемония открытия мемориальной доски и графического изображения выдающегося гандболиста. На церемонии присутствовали председатель Сакребуло Тбилиси Георгий Ткемаладзе, председатель Комитета спорта и молодежи Парламента Грузии Ираклий Медзмаришвили, руководитель Комиссии образования и культуры Сакребуло Тбилиси Каха Лабучидзе, президент Международного фонда спорта, туризма и молодежи Таризел Хечикашвили, вдова Д. Церцвадзе Гугули Хвития, родные и близкие гандболиста, представители спортивных и общественных организаций.

Выступая на церемонии, президент Федерации гандбола Грузии Вахтанг Мейпариани (капитан национальной сборной Грузии в 1991-2000 гг.) сказал: «Джемал Церцвадзе сыграл огромную роль в развитии гандбола Грузии, его имя известно всему миру, мы гордимся этим. Он был великим гандболистом, прекрасным и отзывчивым человеком. Его называли волшебником гандбола, и этим все сказано. Джемал Церцвадзе

мечтал о том, чтобы национальная сборная Грузии завоевала право выступать в финале чемпионата Европы. Наша сборная добилась этого права и в январе текущего года приняла участие в ЧЕ в Германии, заслужив симпатии многочисленных зрителей и специалистов. Жаль, что Джемал не дожил до этого дня».

Председатель Сакребуло Тбилиси Г. Ткемаладзе отметил: «Очень важно ценить тех спортсменов, которые сыграли большую роль в развитии спорта Грузии. Одним из таких легендарных спортсменов был Джемал Церцвадзе, и мы, совершая еще один шаг к увековечению его памяти, еще раз подтверждаем наше огромное уважение великому гандболисту».

На церемонии было объявлено, что по решению Сакребуло города одной из улиц столицы Грузии присвоено имя Джемала Церцвадзе. Член комиссии спорта Сакребуло Тбилиси Ладо Божадзе сообщил, что в будущем намечено учреждение и проведение представительных гандбольных турниров имени Джемала Церцвадзе. Детали станут известны позднее, не исключено, что такой ежегодный турнир будет проводиться в Зугдиди. И это не случайно – в Зугдиди Джемал провел немалую часть детства: его мать была ро-

ამ სახლში 1972-2019 წლებში ცხოვრობდა ცნობილი ხელბურთელი, სპორტის დამსახურებული ოსტატი
ჯემალ ცერცვაძე

дом из Зугдиди, отец из Мартвили, и будущий спортсмен часто приезжал во время каникул к родственникам.

Гугули Хвития поблагодарила Федерацию гандбола Грузии, Сакребуло Тбилиси и руководство вышеназванного фонда за активные усилия по увековечению памяти Джемала Церцвадзе. «Я счастлива, что была супругой Джемала. Мы вместе прожили

50 лет, я была свидетельницей его изумительных успехов в гандболе и горжусь этим», – сказала 82-летняя вдова.

Потом, в нашей личной беседе, она рассказала, что ей несколько раз посчастливилось сопровождать Джемала в зарубежных поездках – как в бытность его игроком, так и после завершения карьеры: «Никогда не забуду те дни, когда я лично видела, каким уважением и авторитетом пользовался Джемал в разных странах мира. Забыть это просто невозможно».

В заключение напомним, что в 60-е годы XX века гандбол в Грузии по популярности уступал только футболу и был вровень с баскетболом. Матчи «Буревестника» во Дворце спорта собирали переаншлаги – около 13 тысяч зрителей, которые сидели не только на трибунах и ступеньках, но и тесно стояли в проходах. А сам Дворец и улицы вокруг были оцеплены конной милицией. И наши гандболисты не обманывали ожиданий болельщиков.

Пожелаем новому поколению спортсменов достойно продолжить славную историю грузинского гандбола!

СОКРОВИЩЕ ГРУЗИНСКОЙ СЦЕНОГРАФИИ

■ Инна БЕРИДЗЕ

Театральный мир отметил 130-летний юбилей основоположника грузинской авангардной сценографии Ираклия Гамрекели. В Национальной картинной галерее Грузии прошла выставка, на которой были представлены эскизы, макеты декораций знаковых спектаклей художника, а также его живописные, графические работы и книжная графика, в которой он проявил себя столь же талантливо, дерзко, если не сказать – революционно, что и в сфере сценографии.

К театру Ираклия Гамрекели приобщил не кто иной, как Котэ Марджанишвили, разглядевший в молодом художнике-модернисте огромное дарование и привлечший его в качестве сценографа для работы над спектаклем «Саломея» Оскара Уайльда – на режиссера произвели сильное впечатление иллюстрации Гамрекели к этому произведению. Как отмечал позднее футурист, книжный иллюстратор и театральный художник Кирилл Зданевич, это была первая и вполне оправданная попытка открыть дорогу начинающему сценографу

– дорогу, которая привела к реформе грузинского театрального дизайна. Зданевич имел в виду освобождение грузинской сцены от узко-этнографического, традиционного оформления и переход к современному художественному видению пространства, что было вполне закономерно: в тот период Ираклий Гамрекели был одним из наиболее продвинутых грузинских художников, успешно занимаясь оформлением книг, журналов и периодики и состоял в тифлисской дадаистской группе поэтов и художников «41 градус», издававшей футуристический журнал «H2SO4».

Вернувшись в 1922 году в Тифлис, Марджанишвили (одновременно с постановкой «Фуэнте Овехуна» Лопе де Вега в театре имени Ш. Руставели) активно включает в работу Русского театра драмы, именуемого тогда Новым театром (или Новым Художественным театром) и «привлекает к работе Кирилла Зданевича, Ф.К. Константинова и молодого художника Гамрекели», как сообщает пресса. 10 ноября 1922 года обновленная русская сцена открывает сезон «Саломеей». Автор рецензии на страницах газеты «Заря Востока» (от 12 ноября 1922 г.) красочно описал свое впечатление от модернистского творения Марджанишвили: «Первые слова трагедии Уайльда – о Саломее и Луне. Последние – тоже о них. Луна у Уайльда – «как женщина, встающая из могилы». Саломея – как лунный луч, как режущий серп луны. Саломея появляется в лунном сиянии. Умирая, принимает последний блеск луны. Лунный свет, луна – та отравленная, распяляющая и завораживающая стихия, под знаком которой расцветает холодная, демоническая страсть Саломеи. Симфония лунного света, в которой в чудесном (контрапунктическом) сплетении различных художественно-поэтических задач дано поистине музыкальное разрешение. А на какой заманчивой восточно-пряной канве вышивает Уайльд свои вымыслы. Тут все краски, целый океан красок! И даже трижды пролитая кровь не более, как красочное пятно. Какой счастливый замысел, открывающий необычайно пышный простор для театральных возможностей».

Эти возможности в полной мере использовал Ираклий Гамрекели, что и оценил рецензент, назвав его «декоративные замыслы» превосходными. Художник создал передвижной задник с меняющейся окраской. Планировка сцены, центральная приставка со ступенями, узкая лестница наверх, на террасу пиршественного зала, выдержанный аскетизм аксессуаров – все было интересно задумано и высокохудожественно выполнено. Подводя итог, автор назвал спектакль «безусловно значимым и вполне оправдавшим вызванный новым театром интерес». В какой-то мере впечатление от спектакля передает живописная работа Гамрекели «Танцующая Саломея» – посетители выставки не могли оторвать глаз от колоритной изломанной фигуры иудейской царевны.

Дальнейшая деятельность художника в новой для него области сценического дизайна связана с театром Руставели. Это было необыкновенное время, когда в нем творили выдающиеся грузинские режиссеры Котэ Марджанишвили и Сандро Ахметели. В 1923 году Гамрекели становится главным художником театра и оформляет спектакли «Лонда» и «Мальштрем» Г. Робакидзе, «Человек-масса» Э. Толлера, «Человек из зеркала» Ф. Верфеля, «Гамлет» У. Шекспира, «Разлом» А. Лавренева, «Анзор» С. Шаншиашвили, «Ламара» по мотивам произведений Важа Пшавела, «Разбойники» («In Tyrannos») Ф. Шиллера и другие. Он придумывал лаконичные, пластически гибкие и динамичные сценические конструкции, при этом большую роль играло световое оформление. Мизансцены с ритмично размещенными на сцене монументально-архитектурными формами выражали глубокий драматизм происходящего на сцене. Для творчества Гамрекели также была характерна романтичность, яркий национальный колорит. Все эти особенности во многом определили эстетику как театра Руставели, так и грузинской авангардной сценографии в целом.

Одной из первых творческих удач Гамрекели стал шекспировский «Гамлет» в постановке Котэ Марджанишвили. Художник

создал впечатляющую метафору картины мира. «Распалась связь времен» – это был лейтмотив «Гамлета». Тема времени проходила через весь спектакль. Раскрывался занавес, и перед глазами зрителя предстала тянущаяся из глубины до самой авансцены длинная, как казало, бесконечная лестница. Бесконечная, как время... Лестница становилась своеобразным символом спектакля. На ней разворачивалось действие трагедии, сталкивались человеческие судьбы. Представленная каждый раз в разных ракурсах, она как бы подчеркивала изменчивость этих судеб, то круто поднимавшихся ввысь, то неожиданно повергнутых ниц. Ступени лестницы вызвали ассоциации с многоступенчатой жизненной лестницей человечества», – так описывает сценографию спектакля театровед Этери Гугушвили.

Котэ Марджанишвили в какой-то период проявляет интерес к крупным театральным формам – обращается к жанру агитационного массового площадного театра. Вот где стихийная и масштабная природа режиссера проявилась во всей своей мощи, и в этом Марджанишвили нашел единомышленника в лице Гамрекели с его «монументальным», смелым и остроавангардным сценическим мышлением. В юбилейной экспозиции были выставлены эскизы декораций

нереализованного проекта Котэ Марджанишвили – Ираклия Гамрекели: «Мистерия-буфф» Владимира Маяковского.

«Летом 1923 года начало перевода пьесы на грузинский язык было напечатано в одном из тбилисских журналов, и «Мистерия-буфф» была включена в репертуарный план театра им. Руставели. Но более конкретно вопрос о «Мистерии-буфф» был поставлен через год. В репетиционном дневнике театра им. Руставели записано: «1 августа 1924 года. Манглис. Общее собрание труппы театра им. Руставели. Во вступительном слове художественный руководитель Котэ Марджанишвили приветствует артистов и знакомит их с предстоящей в новом сезоне работой. Открыть сезон предполагается «Мистерией-буфф», которая будет поставлена под открытым небом». Как сообщает И.И. Гамрекели, «постановка была продумана им (К. Марджанишвили) до мельчайших подробностей. Замысел ее был грандиозен. По первому варианту Марджанишвили хотел поставить «Мистерию-буфф» на горе Давида, на плато, за верхней станцией фуникулера... Но в дальнейшем он убедился, что на верхнем плато фуникулера постановку очень трудно осуществить, ибо поднять на

«Танцующая Саломея»

«Художник в медицине»

такую высоту громадные декорации и устроить места для зрителей будет очень сложно. Однако Марджанишвили не хотел отступать от своего плана – постановки «Мистерии-буфф» на открытом воздухе. Больше того, он хотел, чтобы эту постановку видело все население Тбилиси. Тогда он решил поставить пьесу на самой горе, у нижней станции фуникулера».

По замыслу К.А. Марджанишвили, зрители должны были разместиться в расселине горы, лицом к городу – с тем, чтобы действие разворачивалось на площадке около станции фуникулера. Исходя из характера массового действия, постановщик предполагал уделить большое внимание пантомиме; текст должен был подаваться посредством рупоров. К основным исполнителям-артистам театра им. Руставели было намечено присоединить в массовых сценах участников тбилисских клубных драматических кружков. В систему конструкции, поднятой на довольно высокий постамент, входили несколько лестниц и площадок, каркас полусферы, проекционный экран и др. Общая высота конструкции должна была достигать до 25 метров. В.В. Маяковский, приехав в Тбилиси в августе 1924 года, ознакомился с планом постановки.

«Маяковский, – говорит да-

лее И.И. Гамрекели, – очень увлекся идеей постановки его «Мистерии-буфф» на открытом воздухе, подробно расспрашивал меня о макетах, интересовался сметой».

Увы, грандиозный замысел так и остался замыслом.

Идеи Гамрекели нашли идеальное воплощение и в постановках другого грузинского гения – Сандро Ахметели. Для реализации своих дерзких замыслов режиссеру-новатору в первую очередь нужен был близкий по духу художник, которого он обрел в лице Ираклия Гамрекели. «Сценограф разворачивал «строительство» конструкций во всем объеме сценического пространства, предоставляя его действию массы «не только горизонтально, но и вертикально». Так Ахметели решал одну из главных задач – подчинение всего пространства сцены движению и жизни масс при абсолютном «раскрепощении актера». Сценография Гамрекели определялась не пристрастием художника к конструктивизму, нет, она рождалась как реализация практических требований режиссера», – отмечала театральная критик Вера Церетели.

Как вспоминает Михаил Туманишвили, в спектаклях Ахметели отсутствовала помпезная героика и высокопарная романтика. Это возникло в театре позже. Не было в ахметелиевских постановках и грандиозных (ради грандиозности) монументальных декораций. Они на сцене теа-

тра Руставели тоже появились позже. «Декорации Ираклия Гамрекели были точными, лаконичными, можно даже сказать, – скромными, – писал М. Туманишвили. – Но, полные внутренней динамики, они казались монументальными. Сейчас я не могу точно сказать, что меня увлекало больше – постановка, игра актеров или декорации. Во всяком случае, декорации производили невероятно сильное впечатление. Это был какой-то особый мир изогнутых лестниц, площадок, арок, балконов. Все доведено до подлинной образности, очерчено точным контуром».

Сценография знаменитого спектакля «Разбойники» Фридриха Шиллера (постановка Сандро Ахметели) была признана высочайшим творческим достижением Гамрекели. «Богемский лес – вывороченные корни огромного дерева и черные дупла, в которых прятались разбойники-бродяги. Все – на ярко-желтом, даже оранжевом фоне. Изящная, почти под колосники поднимающаяся лестница, а под ней – таверна. Табуретки и столы. Как это было хорошо! Ненастоящий, придуманный, но абсолютно убедительный мир. Свой, определенный ракурс взгляда, видоизменяющий и преображающий реальный мир. Романтического театра, подобного театру Ахметели, сегодня нет. Может быть, его отодвинуло в прошлое наше не совсем романтическое время, может, и мы сами приложили к этому руку. Я очень хорошо помню, как по чьему-то указанию поправляли «на реализм» великолепный Богемский лес. Оранжевый задник расписали подобием «шишкинского» леса. Изогнутую лестницу вообще убрали под предлогом, что в жизни таких не бывает. Оставили только три ступеньки – знак «реальной» лестницы. А весь смысл декорации был как раз в изогнутости линии» (М. Туманишвили).

Актриса Тамара Цулукидзе в своей книге воспоминаний описала оформление спектакля «Деловой человек» немецкого экспрессиониста Вальтера Гасенклевера – еще один пример необыкновенной фантазии Гамрекели. Художник превзошел себя, поразив смелым, оригинальным решением конструк-

Эскиз декорации к спектаклю «Человек из зеркала»

ции. «В центре сцены стоял тонкий, высокий, уходивший под колосники остов «небоскреба». Он освещался изнутри, бегающей вверх и вниз электрической искрой. От остова отходили три игровые площадки: одна – на головокружительной высоте – казалась висящей в воздухе; на ней разыгрывались эпизоды в квартире промышленного نابоба господина Компаса. Площадка ниже, справа, изображала комнату Мебиуса; еще ниже, слева – уголок сада, где происходит свидание Мебиуса с Лией, дочерью Компаса».

Не менее ярким было оформление трагедии «Тетнульд» Шалвы Дадиани: «В постановке спектакля вновь проявился незаурядный талант Ираклия Гамрекели. Оригинальное декоративное решение, найденное им сообща с Ахметели, отразило богатство художественного языка и тонкое проникновение в замысел и стиль пьесы маститого драматурга. Два художника, оба наделенные счастливым даром совместного творчества и взаимопонимания, создали спектакль своеобразный, неповторимый по колориту» (Т. Цулукидзе).

Выразительным и точным было решение сценического пространства в «Анзоре» С. Шаншиашвили (по пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69»). Конструкция, созданная Гамрекели, предоставляла режиссеру Сандро Ахметели оптимальные возможности для развертывания грандиозных картин народного движения, мизансценически эффектных и эмоционально предельно насыщенных. «Она обозначала и конкретное место действия – мост, горные переходы, аул, железнодорожное полотно, – и чрезвычайно выигрышную площадку, вернее, множество площадок для игры, – писала театровед Натела Урушадзе. – С другой стороны, в этом виделся и образ вздыбленного социальными сдвигами времени: просцениум, например, словно был искорежен движениями земных пластов – фактически здесь не оставалось ни одной прямой площадки».

Ираклий Гамрекели создавал свой уникальный мир не только в родном руставелиевском теа-

Макет декорации к спектаклю «Разбойники»

тре, разделяя огромный успех с Котэ и Сандро. В начале 30-х годов он был заявлен на афише как один из художников вновь созданного Тифлисского государственного русского театра – наряду с Ладом Гудиашвили, Ильей Шлепяновым и В.В. Робергом. Оформил спектакли «Миллион Антониев» Г. Градова, В. Орлова в постановке В. Брагина, «Князь Мстислав Удалой» И. Прута в постановке В. Карпова.

Ираклию Гамрекели довелось встретиться в работе с легендарным Александром Таировым – в 1938 году режиссер вместе с В. Ганшиным поставил в Московском Камерном театре «Честь» Георгия Мдивани в декорациях Гамрекели. В том же году он оформил спектакль «Честь» еще в двух театрах – БДТ имени Горького в Ленинграде (режиссер Ш. Агсабадзе) и Саратовском государственном драматическом театре имени К. Маркса (режиссер А. Тункель). В довольно сдержанной рецензии на петербургский спектакль «Честь», опубликованной в газете «Смена» от 21 сентября 1938 года, читаем: «Радуют яркие и колоритные декорации художника – заслуженного деятеля искусств, орденоносца И. Гамрекели». Он работал также в театрах Киева, Баку.

Художник творил не только в драматическом, но и в оперном

театре. В емкой, лаконичной форме он стремился выразить самую суть произведения – к примеру, в опере «Абесалом и Этери» З. Палиашвили (Тбилисский театр оперы и балета им. З. Палиашвили). Это подчеркнул в своем отклике на спектакль Павел Марков. «Он (Театр. – И.Б.) отверг соблазны старой оперной красоты и отдал предпочтение строгой красоте. Он не прельстился фальшивым натурализмом и предпочел мудрую правду легенды унылому фотографированию быта, которому не может быть места в «Абесаломе и Этери». Оперу показали в 1937 году в Москве, во время Декады грузинского искусства.

Гамрекели создавал и живописные произведения, писал портреты – в стилистике кубофутуризма (на юбилейной выставке была представлена его необычная кубистическая работа «Художник в медицине»). Он был фактически одним из первых художников, привнесшим авангард в грузинское искусство. Соединяя новую для Грузии технику с национальными традициями, Гамрекели со временем внедряет ее и на грузинской сцене. Как отмечал журнал «Театр и жизнь» (1925), Марджанишвили, Ахметели и Гамрекели осуществили величайшее национальное дело – подняли грузинский театр на вершины искусства.

«ЭТО АБСОЛЮТНО НЕЗАБЫВАЕМО!»

■ Ханна ПЕНМАН

Откровенно говоря, такого бурного коктейля таланта, экспрессии и мужского обаяния Тбилиси не видел давно.

После Австрии, Германии, Швейцарии, Испании, Кипра и других стран артист Данила Козловский привез в столицу Грузии не только свое музыкальное шоу «FRANK» (что на английском значит «откровенный, честный»), но и свою личную историю. А также сумасшедший заряд романтической энергии под песни Фрэнка Синатры. Как оказалось, нам всем очень не

хватало такого изумительного настроения.

Музыкальный спектакль «FRANK» известного актера театра и кино, режиссера, сценариста и продюсера доказал – творчество Данилы перешагнуло границы только актерского амплуа. Козловский показывает себя как замечательный певец, мастер комедии, отличный рассказчик. А рассказать есть что. И в этом удивительно тонком и красивом моноспектакле многое, конечно, не уместилось. Даниле, так сказать, удалось оставить легкое ощущение го-

лода. По прекрасному.

Авторы спектакля – сам Данила Козловский и Савва Савельев, который выступил и режиссером шоу – словно взяв зрителя за руку, ведут по самым важным вехам жизни актера. Детство Данилы в Москве, мама, папа, братья, отчим, бабушки и дедушки, первая любовь, развлечения и взросление в пионерском лагере, учеба в Кронштадтском морском кадетском военном корпусе, а потом – в Академии театрального искусства, первые шаги на сцене и в кино, и, конечно, музыка,

музыка, музыка. Она с Козловским с самого начала.

Голос Фрэнка Синатры будоражил и улаждал слух мальчика с детства, с тех самых пор, как в их доме появился однокассетный магнитофон. Синатра медленно и верно проникал не только в душу, но и в сценическую деятельность Данилы. В 2015 году он выступил в Москве с сольным концертоспектаклем «Большая мечта обыкновенного человека», где исполнил свою давнюю мечту – под аккомпанемент оркестра «Фонограф-Симфо-Джаз» спел хиты классиков американского эстрадно-джазового вокала 1930-х-1950-х годов – Фрэнка Синатры, Тони Беннета, Дина Мартина, Нэта Кинга Коула.

Уникальный эффект присутствия в жизни будущей знаменитости, от становления мужчиной до становления отцом, первые робкие мечты и первые смелые шаги к успеху – в шоу «FRANK» зритель не просто зритель. Он – желанный свидетель. Данила доверяет ему свои самые сокровенные секреты. Все по-честному. Искренность

10 из 10. Во время исполнения любимой песни своей мамы – «Любовь, похожая на сон» Аллы Пугачевой – Данила даже смахивал слезы с глаз. «Это ода любви», – сказал Данила и тем самым назвал имя главного человека своей жизни – дочери Оды-Валентины. И признался ей в любви, со сцены, эмоционально и проникновенно. Как редко такие отцовские признания!

Что еще было в спектакле «FRANK»? Кроме пьянящей музыки, упоительных рассказов, невероятной пластики, бесспорного умения держать внимание огромного зала? Кроме всей этой красоты «FRANK» оставил еле уловимое грустное послевкусие... Показалось, что Козловский рассказал нам о нас самих. Слово окунул нас в наши же собственные воспоминания о детстве, первой любви и первых неловких попытках жить взрослой жизнью.

Мы все испытали guilty pleasure. Предосудительное удовольствие. Неловкое, но сильное ощущение, при котором мы словно боимся себе признаться (а потом уже и во-

все не боимся!), что, черт возьми, да, да, да! – нам нравится эта простая и приятная музыка, этот незамысловатый юмор, это бесхитростное караоке со звездой и обычные, без затей, разговоры о жизни. Даниле Козловскому удалось сотворить это с нами...

А какая завидная галантность – в финале, перед поклоном, артист вынес огромный букет цветов, спустился со сцены и преподнес его легендарной певице Нани Брегвадзе, которая пришла на концерт.

Позже, уже после выступления, в Инстаграме Данилы Козловского появилась короткая, но емкая публикация: «Дорогие друзья! Это сторис благодарности, эмоций, впечатлений от вчерашнего совершенно невероятного приема здесь, в Тбилиси. Я хочу сказать вам огромное спасибо за вашу эмоциональность, за вашу открытость, за ваше отношение! Это просто абсолютно незабываемо!»

Истинная правда. Незабываемо.

Данила Козловский в шоу «FRANK»

УБИЙЦА

ПОВЕСТЬ

Бека КУРХУЛИ

Перевод: Гога ЧКОНЯ

Продолжение

Гия Эзугбайя поспешил по улице по улице, поглядывая, не идет ли какой-нибудь попутный транспорт на Зугдиди. Не успел он дойти до центра Ахалкахати, как прямо у его ног притормозила потрепанная пыльная черная «Волга-31». Гия зло оглянулся, но, увидав, что это Морду* (*воспитанник – мегрел.), молча запрыгнул в машину. Морду – Заза Какулия – был ровесником Гии. С того самого дня во время войны, дня военного сбора в Гали, они воевали бок о бок. Прозвище Морду Заза получил от Цатава-младшего.

Этот Цатава очень любил читать и даже учился в Тбилиси в каком-то платном университете. Его однокурсники, которые слегка посмеивались над его акцентом, только и знали о нем, что он из Гали и привозит отличную анашу. Откуда анаша и чем он еще занимался, они представления не имели. Цатава помалкивал. Не говорил даже о том, что воевал. Осторожничал. На его глазах чуть ли не через день арестовывали его старших друзей и боевых товарищей и держали в зугдидском следственном изоляторе в «интересах родины».

Так вот, Цатава любил читать, а Какулия и правда чем-то напоминал Морду – персонажа Лео Киачели. Невысокий, едва по плечо верзиле Эзугбайя, с зелеными водянистыми глазами, тонким, с горбинкой носом, ред-

кой рыжей бородой и кривыми ногами, он был таким умным, хитрым и отчаянным, что герои Лео Киачели – и Морду, и Тагу Шамугия – казались рядом с ним сущими ангелами. У него осталось только три передних зуба. В мае 98-го абхазы взяли его в плен и каждый день вырывали по зубу. Их интересовали места тайных партизанских переходов через Ингури. К тому времени, как Гия Эзугбайя, Цатава-младший и Пониава похитили трех абхазских боевиков и обменяли их на Зазу Какулия, у того осталось всего лишь три зуба.

– Ну, мучо рек, циэ?* (*Как ты, парень? – мегрел.) Что голову повесил да уши прижал, а?

– А чего веселиться? Лично я не знаю. Если ты знаешь, скажи...

– Деньги есть какие-нибудь в кармане, чтоб немного бензина залить? А то до Зугдиди можем не дотянуть. Там достанем что-нибудь, если господь не оставит, – Заза весело подмигнул своим чуть косым зеленым глазом.

– Вы только посмотрите на него! И я тоже за деньгами вышел... Жена меня выгнала из дома с утра пораньше, не принесешь, говорит, так не возвращайся. У нее двоюродный брат умер – тоже мне, нашел время умирать – а у нее обуви нет, не в тапочках же идти оплакивать! Не принесешь, го-

ворит, на порог не пушу!

– Вава! – только и вымолвил Какулия.

– Такие вот дела, брат. Откуда я возьму ей туфли, мать ее!

– Что, и занять негде, да?

– Какое там занять, ты что...

Весь мир полон моими долгами! Каждая будка, ларек, бензоколонка! Пофиг им партизан ты или пионер! Бандит, говорят, Эзугбайя!

– Ты скажи им, что если нам дадут – не пропадет, отдадим когда-нибудь! А не будет нас, придут абхазы и русские и и просто так заберут!

– Эх, не только проигравшие, но и победители никому не нужны, братец ты мой! Абхазам и русским скорее дадут... Жрать бы им только да чтобы ночью ноги в тепле были. А потом опять жрать, очень много жрать, и кто им в этом помешает, тот и есть враг. Большого они не знают...

– Да, таковы наши люди!..

– Да все таковы, и всегда так было, и везде!.. Жадных и трусливых на земле вообще больше!

Оба слегка пригорюнились. Но Заза Какулия долго горевать не умел. Он прибавил скорость, кинул меж оставшихся зубов сигарету и, вцепившись обеими руками в руль ревущего, как мул, автомобиля спросил приунывшего Эзугбайя:

– Знаешь, откуда я сейчас еду?

– Ну и откуда?

– Вот и скажу! Ленина знаешь, несчастного нашего? Вчера он и еще кто-то (по-моему, его сосед) ехали по мосту через Ингури, в Хурча, ну, помнишь, мост, который из бревен. Едут себе на своем ноль шесть, а перед ними парень какой-то – худой, молодой и длинный. Идет, руки в брюки, не спешит никуда. Они ему сигналият, а он – хоть бы хны. Идет вразвалочку. Тут наш Ленин не выдержал, высунул свою лысую голову в окно и кричит: «Эй, ты, собачий сын, уйди с дороги, а то перееду тебя! Глухой ты, что ли?» А тот оказался не глухой. Повернулся, наставил на них автомат и говорит – вылезайте, сволочи, а то всех порешу. Вытащил он нашего Ленина с дружкой из машины, сел сам в нее и смылся в сторону Гали. А в машине два калашникова с подствольника-

ми и два макарова. Прихватил все это – и в Гали. Подняли меня среди ночи. Я приехал на место, кричал, грозился – то сделаю, это сделаю, так сделаю, эдак сделаю... И что? Хрен. Только след шин на грязи и остался...

Морду беззвучно смеялся, его глаза блестели.

– Абхаз? Парень, говорю, абхаз был?

– Нет, какой абхаз, я спрашивал. Грузин. Не по-мегрельски, на грузинском все нам выдал! Откуда нынешним абхазским ребятам знать такой грузинский?

– Может, он и с абхазами такое вытворяет, почем ты знаешь.

– Ну да. Думаю, ему все равно – что абхаз, что грузин. Разбойничает себе! Совсем, говорят, молодой пацан. Когда повернулся, при свете фар видно было – юнец безусый совсем.

– Молодец парень, молодец! Крутой оказался сукин сын! – Гия Эзугбая повеселел.

– Так вот. Таких парней поискать еще! Да и этого хрен найдешь, в Сочи, наверно, уже...

– Естественно. И куш взял хороший – эту машину Ленин только-только купил, пылинки с нее сдувал, сел в нее осторожно...

– Пусть и сейчас осторожно садится... Столько оружия иметь под рукой, друга рядом и чтоб тебя какой-то молокосос вот так кинул! Как потом по земле ходить? Неожиданно, говорит, все случилось! Вава! Кто ж тебя о таком предупредить будет? Да еще рядом с Ингури...

– Чудак-человек этот Ленин! Такого предприимчивого труса свет не видел! – История с Лениным заставила Гию на время забыть о собственных проблемах. – Придет, бывало, ко мне, давай, говорит, перейдем через Ингури, давай перейдем, то сделаем, это сделаем... Ну ладно, уговорил. Давай. Два раза его перевел. Так он черт-те что творил! В Верхнем Баргеби, у поворота – ну ты знаешь это место – посадил его, говорю, зная его характер: заметишь машину абхаза – дай знак, больше от тебя ничего не нужно... Шесть машин проехало – никакого знака. А нам-то нужно схватить несколько абхазов – обменять...

Они ведь рыбаков из Поти взяли. Не-ет, не дает знак, и все.

– Почему? Почему он так сделал?

– Испугался, сукин сын! Подумал, наверное, что если абхазы стрелять начнут, ему придется помогать своим, а то убьют. Абхаз – это тебе же не Ленин: ты топнешь – он испугается и выпрыгнет из собственной машины. Это же исполнить надо, живыми их взять! Каково, а? Коли не можешь – не ходи! Чего лезешь? Убедился ведь, что один раз не смог? Ладно. Возвращаюсь к нему: почему, говорю не подал знак? Мямлит чего-то – не успел, дескать, не увидел. Хорошо... Дал ему выпить гелатской водки, может, думаю, осмелеет чуть. На этот раз не прозевай, говорю. Да, сделаю, говорит. Проехал абхаз на машине. Опять ничего. Прибегаю к нему злой. Убью, думаю. А как его убьешь, если он спит?! Представляешь? Спит, сладкие сны видит! Схватил его за воротник, встряхнул как следует, разбудил. Трезвый, говорю, боишься, выпил – засыпашь, ты кто? И обложил его как следует. Вот так перекрестился, – Гия Эзугбая выпрямился и широко осенил себя крестом, – и зарекся – Господи, я того Гии Эзугбая маму ..., который еще раз с Лениным перейдет через Ингури!

– Молчи, ты! Что ты такое говоришь? Нельзя! Вашинерс!* (**Нельзя – мегрел.*) Табу!

– Правда, так и сказал, а что было делать? И боится, и не отстает!

– Ох, Гия Эзугбая, врагу не пожелаю тебе на язык попасться. Врагу-у, – Морду давился от смеха, отирая желтым пальцем слезы с прозрачных глаз. – Вава!

– Ты не знаешь, он потом опять ко мне пришел, пойдем, говорит, за Ингури! Наглец такой, представляешь?! После всего! Еле сбежал от меня в коридор. Чтoб я тебя тут не видел, говорю, не то убью и похороню! Мне до твоего шутовства, говорю, плохи мои дела. А коли так хочешь, сам туда иди, абхаз тебе покажет, где у него удобный брод через реку! И что он мне отвечает, этот наглец? И перейду, говорю, на тебя, что

ли, надеяться? Еще и обиделся! С тех пор ходит за Ингури и обратно – во сне глубоко!

– Что ты хочешь, умник он, – сказал Морду.

– Да... – вздохнул Гия Эзугбая.

На зугдидском бульваре, у стадиона, друзей встретили Муртаз Эхвайя, Бигвава и Барсук.

– Как жизнь, братцы? – поздоровался Морду.

Гия молча пожал руку каждому.

– Эх, ничего хорошего... Вы как?

Лицо Гии Эзугбая приняло выражение обиженного ребенка.

– Сукой буду, с собой бы закончил, но ведь скажут – неправильное что-нибудь сделал, а иначе чего бы ему кончать с собой. Устал я очень.

– Что ты тут такое говоришь? – рассердился Муртаз Эхвайя. – Пусть твои враги с собой кончают!

– Что делать, нельзя так больше! Нет спасения.

– Что такое случилось, уважаемый Гия?

– Родственник жены умер...

– Ох, печально! Соболезную вам, но, может, не стоит из-за этого с жизнью кончать? – Бигвава незаметно подмигнул Морду.

– Не кривляйся, ради бога! Соболезнует он! Жене должен обувь достать сегодня же, а то ей не в чем на панихиду пойти. У нее одни только тапочки, а у меня ни гроша в кармане. Не дадут мне покоя дома. Что мне, туфли воровать в моем возрасте? Или насильно отнять?

– У тебя дела еще похуже моего. Я пять лари ищу с утра. Моя жена долг за муку должна отдать. Не могу достать, – сказал Барсук.

– Другого выхода не вижу – с такими женами нужно расстаться... На время хотя бы, – высказался Морду.

– Посмотрите на него! Сгинь, нечистый!

– Э, я еще посмотрю, кто сгинет, если ты к концу дня не достанешь туфель! – Морду был в прекрасном настроении – его жена не посмела бы ставить ультиматумы. Да и кому ставить, если мужа почти никогда

не было дома.

– Посмотрите на него! – повторил Гия Эзугбая и еще больше закрутил.

– Ладно, придумаем сейчас что-нибудь, поможем, Гия-батонно, – сказал Муртаз Эхвайя. – А тебе хватит уже, остановись! – сердито добавил он, обращаясь к Морду.

– Если до темноты ничего не придумаем, ворвемся на зугдидский базар и заберем туфли! Все одно нас разбойниками называют, так чем зря называться – лучше поразбойничаем немного, – косые глаза Морду перестали косить, он затаился и выпустил струю сизого дыма.

– Да хватит уже, человек ты или кто!? – обиделся Гия, тоже закурил сигарету и отошел в сторону.

В конце ноября Зугдиди был похож на одну большую панихиду. Разрытые улицы, грязь, лужи, сожженные здания. Дома, небо, земля – все было одинаково серо и бесцветно. Понатыканные вдоль улиц пальмы с пожелтевшими листьями бессильно уронили ветви... Уличные торговцы, сидя прямо в грязи, продавали все, что можно, и все, чего нельзя. Все были одеты в черное. У некоторых на черных рубашках были прикреплены фотографии погибших родственников. Всюду слышались обрывки мегрелогрузинской речи и редкие выстрелы, на которые, впрочем, никто не обращал внимания.

Через некоторое время к бульвару подкатила шпаклеванная вишневая «девятка» и, угодив передними колесами в большую желтую лужу, остановилась. Из нее вышел совершенно бледный Пониава.

– Варек джгир амбеш маха-робели* (*Нехороший я вестник – мегрел.), – заговорил он издали, – плохую новость принес, очень плохую.

– Вот! Говорил же я, – сказал Эзугбая, бросил сигарету и пошел поближе.

– Что ты говоришь? Какую такую новость? – напрягся Муртаз Эхвайя.

– Коба случайно убил своего двоюродного брата в Речхи. С ума теперь сходит! – выдохнул Пониава.

– Вава! – сказал Морду.

– Как? Как это случилось?

– Какого двоюродного? Чего ему там было надо?

– Вошли они туда, в Речхи, – Коба, Гитолендия, Булискирия из Очамчире и Цатава-младший. Люди приходили из Гали, жаловались, очень, мол, нас беспокоят... Заезжают в деревни на русских бэтээрах, а их миротворческую маму... и тех, кто их там поставил, тоже! Орехи, забирают, мандарины... Год неурожайный был... Ничего не оставили, все забрали. А еще бьют, матерят, мучают. Учителя грузинского языка жестоко избивали, а его 16-летнего сына увели, и никто не знает, где он. Вроде бы в Гали его держат, в милиции, но точно неизвестно. Потом подождли дом Пипия и сказали – через неделю приедем, чтобы подготовили все, что недодали, а то в живых никого не оставим, говорят. Сели на бэтээры и уехали.

– Сукин сын Шеварднадзе, как он позволил зачморить наш народ, а? – сказал Муртаз Эхвайя.

– Вот, точно так и сказал Коба Месхия – перейдем, дескать, на ту сторону, угнетают там, обижают наших людей и защитит их некому. Вот и перешли позавтраком ночью – Булискирия из Очамчире, Цатава-младший и Гитолендия. Засели в орешнике, ждут... Помните родную тетю Кобы, которая в Ткварчели замуж вышла за абхаза, и ее сына, Алика Какалия?

– Как не помнить? Каждое лето к нам в Гали приезжал. Коба его, можно сказать, вырастил. Ходил за Кобой, как привязанный, младше него был на семь лет. Когда война началась, он и тогда был у Кобы. Только в октябре еле-еле переправили его в Ткварчели. Не хотели его отпускать, но уж очень тетка там, в Ткварчели, убивалась: хочю, говорит, чтоб тут был, со мной, – сказал Эзугбая.

– Да, я тоже помню. Очень хороший, воспитанный мальчик, тихий, – вставил Муртаз Эхвайя.

– Ну и стал этот Алик Какалия вместе с абхазскими гвардейцами ездить в Гали...

– Вава! – сказал Морду.

– В мае, когда мать Кобы Месхия, тетя Нуну, умерла, этот Алик был с матерью на оплаки-

вании...

– Был все-таки? – спросил Бигвава.

– Был, конечно. А что ему было делать, коли родная тетка умерла? Коба тогда с ним поговорил. Не делай, говорит, этого. Ребята помнят тот разговор, те, кто был там. Но что именно сказал один и что ответил другой, точно не помнят – выпили изрядно. Одни помнят, что парень все отрицал, не езжу, мол, я в Гали. Другие говорят, признал он, что ездит в Гали, но только затем, чтоб людей там не обижали, не сжигали ничего или, не дай бог, не убили кого. Только за этим!.. Короче, поговорили они там. Коба сказал, чтобы тот больше в Гали не ездил. Это наше село, все тебя знают, и меня уже несколько раз попрекнули: что мы, мол, ему плохого сделали, вырос он тут. Не приезжай больше в Гали и особенно в Речхи, тем более я сам туда навещаю. Парень ответил, хорошо, мол, все понял, не буду там бывать. Так этот разговор и закончился – это все помнят. Не спорили, слова лишнего не было сказано. Договорились и закончили. Вернулись к похоронным делам...

– Очень горько оплакивал этот Какалия свою тетю, я хорошо помню, – сказал Барсук.

– Конечно, оплакивал, он ведь у нее ходить начал. Там, на панихиде, Коба вспоминал, как однажды Алик раскапризничался, маленький он тогда был, – «Бабушка, дай акваквар! Бабушка, дай акваквар!» То одно ему дали, то другое – нет, плачет! В конце концов позвонила тетя Нуну своей сестре в Ткварчели. Лобио, ей в ответ, лобио ему дайте! Лобио по-абхазски – акваквар. Лобио хотел маленький абхаз... Смеялись все. И сам Алик смеялся сквозь слезы.

– Как же это несчастье случилось? Встретились и стреляли друг в друга? – спросил Барсук.

– Да нет, какое там встретились? Да и как бы они друг в друга стреляли, с ума сошел? Все было гораздо хуже. Ночью засели они в орешнике. А на рассвете – идут пятеро. Ребята опасались, что вслед за ними, как в прошлый раз, покажется бэтээр, и поспешили открыть огонь. «Вот вам орехи и мандарины! Забирайте!» – кричал,

оказывается, несчастный Коба. Перестреляли всех пятерых – не ждали те нападения... Подошли поближе посмотреть, все ли мертвы... И тут Коба закричал. Небеса разверзлись от его крика. Ребята рассказали, он ревел, как зверь. «Алик! Алик!» – все звал убитого. Младший Цатава кинулся к нему, отнял автомат. Коба ударил его и сбил с ног, но тут подлетели остальные и с огромным трудом скрутили его. Коба совсем озверел, вырывался, бил, ругался страшно...

– Вава, джима, вава! – сказал Морду и его и без того бесцветные глаза совсем погасли, и он стал похож на слепого.

– Тяжело пришлось, но Гитолендия и Булискирия сняли с себя ремни, скрутили его наконец, а вот заставить замолчать не смогли, и Булискирия потом рассказывал, мы, мол, уже ни на секунду не сомневались, что нас обнаружат. До сих пор, говорит, не понимаю, как нас не нашли и не убили. Потом Коба охрип, замолчал и весь обмяк, словно мертвый, разве что дышал. Так, говорит, и шли лесом, и мы с Гитолендия руками свои штаны удерживали. Ингури перешли у села Тагилони и еще долго лежали на мокрой гальке, пошевелиться не могли. Хорошо, местные ребята помогли, подогнали машину и вывезли оттуда.

На дороге к селу Речхи Гальского района показался бэтээр с синей полосой на борту. На броне сидели солдаты. Вслед за бэтээром ехал «Урал» с абхазскими гвардейцами. Жители Речхи собрались в центре села, у сельсовета. Во дворе сельсовета грузили мандарины в деревянных ящиках и орехи в мешках. Абхазские гвардейцы поспрыгивали на землю. Среди них – Алик Какалия. Русские остались на бэтээре и с равнодушными лицами наблюдали за происходящим.

– Это что такое? Вы, что, издеваетесь? Чего так мало? – начал абхазский гвардеец. – Да в прошлом году было вдвое больше!

– Плохой очень был год, вы же сами знаете!

Самый старший из жителей

Речхи, высокий седой мужчина старался сохранять спокойствие, но напряженное волнение было заметно.

– Ничего мы не знаем, мы только знаем, что вы явно жульничаете и прячете половину урожая или своим бандитам-партизанам даете, чтобы они в абхазов получше стреляли и не промахивались, черти. Разжирили вы что-то очень!

– Нет, дорогой, клянусь могой родителей! Просто был очень плохой урожай!

– Мы договорились, сколько вы должны платить! А здесь не наберется и половины. Аферисты, агруа* (*рабы – мегрел.) шивые!

– Нет, мы ничего не прячем и не обманываем, зачем вы так говорите, у меня двоюродные братья абхазы в Очамчире – Зантария и Конджария и...

– О, про братьев-абхазов вспомнил, а тбилисские танки, наверное, цветами встретил, да?

– Нет!

– Чего нет? Что вы за люди, а? Работать не можете и не хотите, воевать не можете и не хотите, уже два раза мы вас порвали. Только жить хотите, сыто жить и гладко. И правда, грызуны! Грызуны и есть!

Русский офицер равнодушно, щелчком, отбросил окурочок.

– Да ладно уже, хорош хорориться! Порвали, не порвали, грызуны, гладкие, не гладкие. Шибко много болтаем! Загрузили и поехали отсюда! – сказал он медленно, с плохо скрываемой брезгливостью.

Абхазские гвардейцы и речхские крестьяне стали грузить мешки и ящики на «Урал». Русские сидели на бэтээре, спокойно и непринужденно болтая друг с другом.

Только Алик Какалия стоял в стороне. Потом подошел к местным и о чем-то заговорил.

Гвардеец-абхаз, столь активный несколькими минутами ранее, недовольно, даже зло посмотрел на русского офицера, небрежно растянувшегося на борту бэтээра и на его солдат, но промолчал. Потом снова повернулся к пожилому седому человеку из Речхи.

– А ты кто такой вообще?

– Учитель.

– Чему учишь?

– Грузинскому.

– Не грузинскому, а грызунскому. И, если хочешь учить своему грызунскому, топай через Ингури и там учи своих менгрелов. И вообще, чего вы, менгрелы, грызунский учите, на кой хрен он вам сдался?

– Молодой человек, во-первых, говорите повежливее! – У учителя дрожал голос. – А, во-вторых, это дело вкуса, вам лучше писать на кириллице, а мне – на своем древнем алфавите!

– Ах ты, старая сволочь! На что намекаешь? На то, что я – пришлый дикарь, и у меня даже алфавита нет, да?

Абхаз замахнулся кулаком, но в последний момент все-таки удержался. Потом толкнул старика обеими руками в грудь. Тот упал. Абхаз снял с плеча автомат и передернул затвор:

– Застрелю, скотина!

Алик Какалия и другие абхазы бросились к нему, схватились за автомат, отвели в сторону:

– Да ладно, Рудик, хватит, ты что, старший человек ведь, спятил, что ли?

– А, отстаньте от меня!

Рудик грубо высвободил автомат, но возвращаться к старику-учителю не стал. Видимо, и сам чувствовал себя неловко.

Женщины подняли визг. Вдруг из толпы вырвался подросток лет 16-17-ти, сын учителя, бросился к абхазу, толкнувшего его отца.

Парня сразу схватили остальные абхазы, и уже через минуту он, окровавленный, валялся в пыли.

– Э, э, ладно уже, хватит, хватит, все! Что за базар здесь устроили?! – закричал русский офицер, соскочил с брони, подбежал к избитому парню и под женские крики потащил его к бэтээру. Закинул мальчишку внутрь.

– Давай, гаденыш, влезай, не брыкайся и спасибо нам скажи, а то твои родные абхазы живо тебе глотку перережут...

Женщины окружили бэтээр. Мужчины пытались их урезонить. Седой грузин, униженный на глазах у односельчан, был уже на ногах и теперь молча, не отводя глаз, смотрел на того

абхаза, из-за которого его сына сначала избили абхазские гвардейцы, а потом и вовсе забрали русские солдаты...

– Да гнать вас надо отсюда в шею, и не только отсюда, а с Кавказа вообще, как ваш Берия выслал весь Северный Кавказ! Порода палачей и убийц, мать вашу! – сказал абхаз надтреснутым голосом, явно стараясь не встретиться взглядом с учителем грузинского.

Тот продолжал с каким-то странным спокойствием, хладнокровно смотреть на обидчика. Взгляд его был опасно пуст...

– Ладно, все, пошли, пошли отсюда, кончайте базарить! Поехали, все! – отдал распоряжение офицер. Бэтээр заурчал и тронулся с места.

Рудик сел в кабину «Урала» и в последний раз повернулся к сельчанам.

– Через неделю вернусь, ровно через неделю! И если все будет не так, как должно быть, очень худо вам придется!

Речхский учитель грузинского застывшим, отрешенным взглядом проводил «Урал» и бэтээр, уезжающие в сторону Гали и увозящие его избитого 16-летнего сына.

Сидя в кузове «Урала», Алик Какалия, повернув голову, долго смотрел на удаляющуюся деревню Речхи.

В ту же ночь несколько парней, проскользнув мимо российских блокпостов, пересекли Ингури и добрались до окраины Зугдиди.

В темном, пропахшем керосином и соляжкой, городе, у машины, стоявшей рядом с подъездом девятиэтажки, сгрудились несколько мужчин и горячо переговаривались.

– Забирать все забирают, ничего не оставляют...

– Дидаш пходунк...

– Учителя грузинского жестоко избили...

– Все это уже слишком...

– Сына его 16-летнего отволокли в Гали, жив он или мертв – никто не знает...

– Оскорбляют, бьют...

– Год был неурожайный...

– Мучают, притесняют как хотят...

– А еще дом Пипия сожгли...

– В конце недели, говорят,

вернемся, и если все оставшееся не сдадите, пусть матери ваши плачут, говорят!

– В живых, говорят, никого не оставим!..

– Сели на бэтээр и убралась...

– Ну и когда, сказали, вернемся?..

– Я думаю, в конце недели непременно вернутся...

– Ладно, и мы там будем в конце недели...

Через неделю на рассвете в плантациях орешника у села Речхи засели Коба Месхия, Булискирия из Очамчире, Цатава-младший и Гитолендия.

Был почти полдень, когда на дороге показался «виллис».

Взбешенный Коба Месхия застрочил из автомата, а между тем, по плану, сначала по машине должен был выстрелить из «мухи» Гитолендия. Он и выстрелил, но от неожиданности и спешки промазал – снаряд попал куда-то в бок автомобиля. Гитолендия отбросил гранатомет, и вот уже четыре автомата строчили по противнику.

Несколько абхазцев успели прыгнуть, но тут же были срезаны очередями.

– Вот вам много-много орехов, вот вам мандарины! Отдаем – забирайте! – кричал Коба Месхия.

Стрельба стихла. Только какая-то птица причитала в полной тишине. Партизаны осторожно приблизились к покореженному «виллису» и неподвижным телам абхазов, что неделю назад вторглись в село Речхи. Среди них и Рудик, из-за которого все началось. Поодаль лежал и Алик Какалия...

Коба Месхия застыл, не веря собственным широко открытым глазам. Потом вдруг развернул автомат, но, прежде чем он успел нажать на курок, Цатава бросился вперед и вырвал у него из рук оружие. Обезумевший Коба с отчаянной силой оттолкнул от себя товарища и упал на окровавленный труп брата.

– Алик! Алик, братишка! Что ты наделал, Алик? Алиик! – ревел несчастный Коба Месхия. Потом схватил тело и поволок куда-то в сторону.

Ребята несколько мгновений растерянно смотрели на него. Потом все вместе бросились к

Кобе.

– Не подходите! Убью всех! Отпустите, мать вашу!

– Коба! Коба, успокойся! Вава, с ума сошел! Коба, на крики придут, убьют нас всех! Тише, брат!

– Нужно вывезти его отсюда! И самим выбираться надо, а иначе все мы трупы!..

Коба никого не слышал, выл, отбивался, выкрикивал непонятные слова, пока его не скрутили, не связали ремнями. Гитолендия даже воткнул ему в рот кляп из собственного платка.

– Ты что?! Не хватало еще, чтоб он задохнулся! – сказал Цатава.

– Если он так будет реветь, нас обязательно найдут! И его убьют, и нас!

Они шли через лес и тащили на себе обмякшего, словно пребывающего в прострации, Кобу. Цатава-младший, вооруженный двумя автоматами, прикрывал отход. К концу дня, с большим трудом миновав лес и выйдя к Ингури, они вброд перешли реку выше Шамгона и вышли к селу Тагилони. Остановившись у знакомых, дождались машины и на ней добрались до Зугдидского района.

С того дня Коба Месхия не вставал с постели. Рядом с кроватью стоял графин с чачей и граненый стакан. Пил до потери сознания. Потом лежал в забытьи. Потом снова пил. Никто не мог войти в комнату. Он не хотел никого видеть. Швырял в вошедших чем попало, что под руку попадется. Гитоледия, очамчирский Булискирия, Цатава и Дато Шервашидзе привезли доктора. Он вместе с Дато поднялся в комнату. Остальные остались стоять во дворе...

Скоро оба спустились обратно.

– Совсем озверел! Сумасшедший!!! – сказал Дато Шервашидзе и, взглянув на почти целиком мокрого доктора, добавил: – Примите мои искренние извинения, батони! Но войдите в наше положение... Тяжелое и безвыходное!

– Что вы, что вы... Я ведь врач! Все понятно. Но дело в том, что, если так продолжится и он не примет пищу, недели через две мы тут можем иметь прискорбные результаты. Кто-

нибудь должен с ним поговорить. Кто-нибудь, кого уважает, к кому прислушается уважаемый Коба. Может быть, лучше позвать священника какого-нибудь знающего, авторитетного.

Дато Шервашидзе проводил доктора и вернулся со священником.

Со второго этажа, из комнаты, где находился Коба, слышались крики, ругань, звуки бьющейся посуды и мебели. Теперь уже по лестнице сбегали священник и Дато.

– Что делать, святой отец? Что придумать?

– Что тут придумаешь, сын мой? Сейчас ему ни человек, ни Бог, ни врач не нужны...

– А чем же помочь?..

Они стояли во дворе, беспомощно глядя друг на друга.

Потом священник вздохнул, неопределенно махнул рукой и пошел со двора.

Пройдя несколько метров, он вдруг обернулся.

– Разве что ты ему теперь можешь – сказал он Давиду. – Не провожайте меня! – Священник прикрыл за собой калитку.

Шервашидзе снова поднялся по лестнице на второй этаж, осторожно открыл дверь в комнату Кобы. Тот лежал с закрытыми глазами, глубоко и тяжело дышал диафрагмой.

– Коба, это я, Дато! Я один!

Больной еле открыл глаза и ничего не выражающим взглядом посмотрел на друга.

– Коба, может тебе чистого сделать? Легче станет немного...

Коба сначала смотрел непонимающе, потом его глаза повлажнели. Он закрыл их и мотнул головой.

Дато прикрыл за собой дверь и спустился во двор.

– Конченное дело! – сказал он погодя, опустив голову. – Скажите Пониава, пусть сообщит ребятам, какая у нас тут беда!..

* * *

Бигвава молча, нервно курил.

– Все это судьба! Что написано тебе на роду, то и есть, – сказал Муртаз Эхвайя.

– Мать их, такой судьбы и такой жизни! – сказал Барсук, сплюнул и прикурил от сигареты Бигвава.

– А Коба-то что делает, этот несчастный? Ау, цода! Чким мтерс иу тиш адгилс! До варц чким мтерс усурвенк холо* (*Вот несчастный! Чтоб враги были на его месте! Нет, и врагу не пожелаю – мегрел.). – сказал Гия Эзугбайя.

– Лежит в постели. Никто подойти не может. Даже семья. Напьется по-страшному, отключится, придет в себя, снова выпьет... Жена хотела с ним поговорить – швырял в нее, чем попало... Не ест ничего. Гитолендия, Булискирия и Цатава во дворе стоят, караулят... Наверх не поднимаются – убить их хочет, убирайтесь, говорит. Врача ему привели – выгнал взашей... Дато священника привел – обругал обоих, тоже выгнал. Вернулся потом Шервашидзе, ширнуться «чистым» предлагал – не хочу, говорит. И пьет... Тонну чачи выпил. И не ест. Врач сказал – умрет через неделю.

– Надо что-то делать! Не смотреть же, как человек умирает! – сказал Бигвава.

– Не умирает, а умер уже – какой смысл в его жизни? Вава, Коба! Вава, джима! – Морду отвел в сторону взгляд своих погасших глаз. – Оплакивайте его, кто умеет еще плакать!

– Ладно тебе, Морду! Нехорошо так говорить, вашинерс! – сказал Барсук.

– Саик Харазия позвонил из Гульрипши. К Дато не звонит с тех пор, как они кровными стали... На оплакивании, говорит, был в Ткварчели, и мать Алика Какалия передала, чтобы позвонили сюда и сказали Кобе, что она оплачет своего сына, похоронит и приедет присмотреть за ним, несчастным... Одна надежда. Больше никакой. – Бигвава глубоко вздохнул и умолк.

– Великой души женщина! – сказал Муртаз Эхвайя.

– Что ей делать? Одному мать, другому – родная тетя. Хорошо, что ее сестра, тетя Нуну, не дождала до всего этого, – сказал Барсук.

– Разве они в чем виноваты – что один, что другой?! Ни один из них не начинал войны. Ни мы не начинали, ни они! Карту до апхас вадучкафу маг оми, до мидгак дичку, тина гвашеленс асе, ме те русефиш до эдуард шеварднадзеш... (*Ни грузины,

ни абхазы не начинали этой войны, а кто начал, тот нас теперь и спасает! Я и русских, и Эдуарда Шеварднадзе маму... – мегрел.) – выругался Бигвава.

– Хорошо, что бедная тетя Нуну не дождала до всего этого, – повторил Барсук.

– Что же с нами сотворили эти сволочи, раз мы, живые, мертвым завидуем, – сказал Бигвава.

– Все! Нет спасения, конечно! Потеряна Абхазети, забрали ее русские. Сказки, что можно что-то сделать. Зря только убиваем друг друга, конечно все! – сказал Гия Эзугбайя.

– Вот ты говоришь – все конечно... То, что за Ингури – Абхазия, я еще могу понять, всегда была, но то, что там теперь Россия, и мы, наши дома, могилы, Илори, Окуми, Бедия, Дранда и Бичвинта – в России, а нас еще и домой не пускают... За чем, мол, воевал, свой дом защищал?! Вот что мне скажи... – Морду сплюнул.

– Зачморили народ! Головы опустили и согласны на все! – отозвался Муртаз Эхвайя.

– Продали нас, как миленьких. Конечно все. Зря копошимся и головы подставляем. Правильно говорит Гия.

– Дай-ка сигарету, – Эзугбайя прикурил. – Вот я вам что скажу. Если господь смилостивится, случится чудо и кончится все это, с абхазом помирюсь. Не просто помирюсь. Если он согласится, первым шаг сделаю, побегу навстречу. Но этих не прощу. Эдуарда Шеварднадзе, его псов и прихвостней не прощу. На них и наша кровь, и абхазов. А абхазу что делать? Если б мы были абхазами, на какой стороне воевали бы? Что делать?.. Абхаз-то – человек, и другом умеет быть, и врагом. Хотя бы знаешь, что враг! А эти так продадут и в грязь испачкают – и не заметишь!

– Да-а! Скорее абхазу доверись, чем этим.

– Абхаз если подружился, вот таким маленьким хлебом поделится, даже если сам голодный останется. Не предаст никогда. А эти... Когда в глаза смотрит и улыбается, тогда еще опаснее. Понадобится – предаст...

– А я о чем говорю? Когда вернемся, с абхазом помирюсь.

А этим лучше не стоять на моей дороге...

– Не может быть такого. Как? Столько крови пролито! Море... И им досталось. Как хочешь теперь мириться?

– Трудно, да, – сказал Муртаз Эхвайя. – Дом два раза спалили, отца, дядю и двух братьев двоюродных убили у меня. Если даже захочешь – как? Какие там мирные переговоры! Мирным путем вернемся, говорят... Да абхазы чуть ли не до последнего человека сражались, чтоб нас оттуда прогнать, а теперь... Теперь с цветами и музыкой нас встретят, что ли? Меня, Морду и Эзугбайя? Музыкой-то нас встретят, только мы ее вряд ли услышим! Совершенно точно.

– Не веришь, значит, ты, батона Муртаз, в мирные усилия ООН? И в то, что начатые под эгидой западного цивилизованного мира женевские мирные переговоры принесут положительный результат? Так, что ли?

– И не говори, мать их! Переговоры... Ничего такого беспомощного и бессмысленного в жизни не видел! Недавно ребята водку гнали, так мимо один ихний проходил... Пакистанец, что ли, или другой какой татарин... Стакан водки дали ему выпить, и он так опьянел, что умолял, отведите, мол, меня на мое место! Наши ничего понять не могли, но потом нашли знающего английский и отвели его в их штаб...

– Не то ли это ООН, которое нам в миротворцы назначило тех, кто с нами воевал? Надели на русских голубые каски, и теперь они «миротворят»... От имени ООН. Вообще-то если русские переедут нас бэтээрми, но уже с голубой полосой, это можно считать послаблением! «Миротворцы», мать их...

– Ложь, ложь и одно издевательство! – криво усмехнулся Морду.

– Русские нас бомбили и здесь, и в Цхинвали... Какие там «миротворцы»! А кто нас поссорил с абхазами?

– Ненавижу слушать такое! – Морду аж покраснел от злости. – Что значит «поссорили»? А своих мозгов в голове совсем нет? Дураки-ваньки жен нам тут оставляют – смеялись над ними абхазы... И как получи-

лось, что эти глупые иваны науськали нас, чтоб мы друг друга поубивали? Как получилось? И кто теперь идиот? Как они это сумели? Как? Помните, когда мы пленных меняли? Наших Кардава и Лашхия. С той стороны человек был, руководил. Заур Гвинджия, полковник – я его знал до войны... Ну, мы поздоровались – вопрос воспитания, сами понимаете... И вот он тогда сказал... Нельзя, мол, так говорить о русских... Мы, мол, долго брыкались, и вот что получилось... Хотя бы теперь нужно иметь мужество не сваливать свои глупости на других. У меня, говорит, невестка грузинка, и что, разве русские меня заставили думать, что мои грузинские свояки враги мне? Прав был полковник из Гудаута Заур Гвинджия. Золотые слова!

К беседующим приблизился какой-то молодой человек. Разговор прервался. Молодой человек отозвал в сторону Пониава. Поговорили немного, и Пониава вернулся с какой-то натянутой улыбкой.

– Я должен вас оставить. Было бы неплохо, если б и вы разошлись...

– Что случилось? Еще какое-нибудь несчастье?

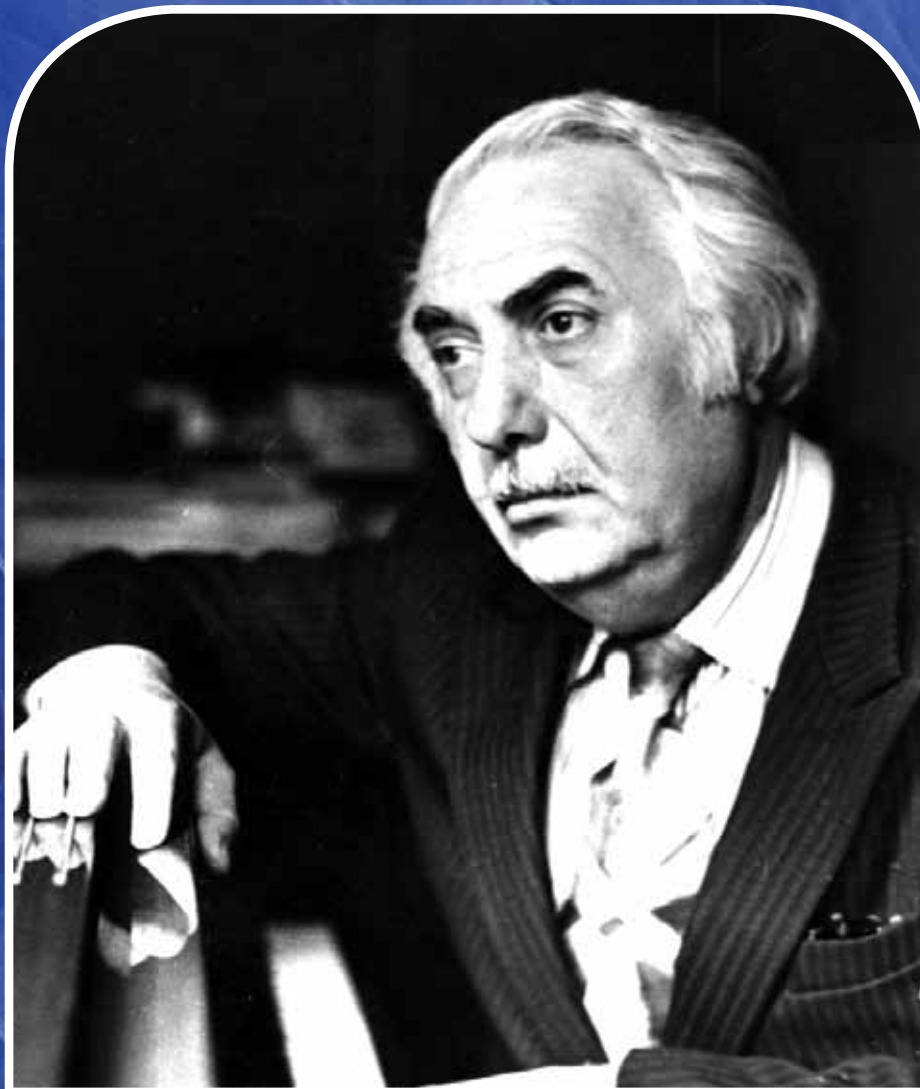
– Этот парень – сын замначальника милиции, его отец – одноклассник моего брата. Вчера вечером взяли Дато Шервашидзе. Тебя и Цатава тоже должны арестовать. Может, говорит, вы исчезнете на какое-то время...

– Почему? Чего им надо? Они-то что от нас хотят, объясни, Пониава, ради бога!

– А вот что. Норакидзе знаете, сволочь эту? Того, у которого бензоколонка? Так вот, ему должна была денег старушка Кварацхелия... Ее сын был в гвардии Гамсахурдиа. Единственный сын, и того убили. Осталась, несчастная, совсем одна... Так вот, должна она этому жирному Норакидзе какую-то сумму, а денег нет, не может вернуть. Одинокая старушка, помочь некому. И вот недавно, в сезон орехов, наняла она на последние гроши телегу в Отобайя и тайком через Ингури перевезла в Зугдиди пять мешков орехов. Я уж не говорю, какого страха в пути натерпелась. На-

верное, хотела, бедная, на муку обменять, на зиму. Но если не везет, то во всем не везет. Увидел этот негодяй Норакидзе ее с телегой, ну и отнял в счет долга. Идет несчастная старушка, плачет. Не знаю, сама она пошла к Дато Шервашидзе или случайно с ним встретилась. «Чего плачешь?» – спрашивает ее Дато. Так, мол, и так, подкрался, говорит, Норакидзе. Я и правда перед ним в долгу, но не никакой возможности было вернуть... И плачет. «Ладно», – говорит ей Дато, заехал за мной и Цатава, не сказал даже куда едем, посадил нас полупроснувшихся в машину. Приехали к бензоколонке Норакидзе. Усадил его Дато и под дулом автомата заставил бесплатно заливать бензин всем встречным-поперечным. Мы с Цатава останавливали машины. Сначала люди пугались, когда их мужики с автоматами останавливали, но когда мы, при такой нужде, им полные баки заливали, очень радовались, натурально. Некоторые даже канистры доставали. Мы и канистры заливали, чтобы бензин у него скорее закончился. Я уж не знаю, сколько бензина было у подонка Норакидзе, а только мы с Цатава с девяти утра до полночи еле-еле все раздали. Машин ведь мало – ситуация спокойная. В общем, раздали все досуха и ушли. Дато ничего не сказал Норакидзе, за весь день, не ругался даже... Норакидзе не знал что и думать. Только, когда уходили, Дато Шервашидзе повернулся к нему и сказал: «Иди теперь, разложи у печки отнятые у старушки Кварацхелия орехи, просуши, прожарь и ешь – вкусные они очень!» И уехал. Вот и накал сволочь Норакидзе заявление в милицию – мол, Дато Шервашидзе, Цатава и Пониава ограбили меня, отняли бензин на триста тысяч и насильно раздали гражданам. А меня, говорит, терроризировали и пугали. А Шервашидзе трижды удрил меня прикладом по затылку... Врет сукин сын – не было у автомата приклада, потому, что автомат был «АКС-У». Ну и взяли вчера Дато и, если мы не поторопимся, то и нас обязательно возьмут...

Окончание следует

ОН БЫЛ ВЕЛИК ВО ВСЕМ

Это было в сентябре 1981 года. Малый театр гастролировал в Грузии. Спектакли давали на сцене Театра Грибоедова. Спектакль «Мамуре», конечно, производил потрясающее впечатление. Играл блестящий, по-настоящему «звездный» состав – Елена Гоголева, Варвара Обухова, Евгений Весник, Виталий Соломин, Елена Цыплакова! Незабываемо! После спектакля режиссер-постановщик Борис Львов-Анохин знакомит меня с Еленой Николаевной. И она просит на следующий день прийти к ней в гостиницу. Народные артисты жили тогда в «Иверии», а остальная труппа – в «Сакартвело». Разумеется, в назначенное время я прихожу. Гоголева дает мне весьма крупную сумму с тем, чтобы я на все эти деньги купил цветы. И объясняет, зачем: «Я прошу вас подняться со мной в Пантеон на Мтацминда – мне надо поклониться моим товарищам. Я буду им кланяться, а вы – возлагать цветы». Как потом объяснил мне Львов-Анохин, у Елены Николаевны была очень редкая и довольно обидная для актрисы болезнь – аллергия на цветы. Каким-то образом о просьбе Гоголевой узнал Отар Тактакишвили, наш великий композитор, Народный артист СССР. Мы с ним столкнулись у гостиницы «Иверия» и он, в то время министр культуры Грузии, почтительно обратился ко мне, юнцу (мне тогда не было и 25-ти лет!): «Я знаю, что вы с Еленой Николаевной собираетесь посетить Пантеон. У меня к вам большая просьба – позвольте я тоже пойду с вами. Я буду рассказывать ей о тех великих, кто покоится на Мтацминда, а если я ошибусь, вы меня поправите». Конечно, в Пантеон мы отправились вместе, Отар Васильевич провел великолепную экскурсию, а я и рта не раскрыл... Воистину, он был велик не только в музыке. Во всем. Кстати, после этих гастролей у меня сложились дружеские, продлившиеся долгие годы, отношения с Борисом Львовым-Анохиным, выдающимся режиссером, театроведом, балетоведом, и Варварой Обуховой, Народной артисткой России, сестрой певицы Надежды Обуховой... Но это, как говорят в таких случаях, уже совсем другие истории.

Николай СВЕТИЦКИЙ

100

ЛЮБОВЬ И РАЗЛУКА

■ Нелли СКОГОРЕВА

На вопросы нашего корреспондента отвечает заслуженная артистка РФ Марина Яковлева.

– *Марина Александровна, вы были замужем за Андреем Ростоцким, сыном Станислава Ростоцкого и Нины Меньшиковой. Какой вам запомнилась эта знаменитая семья?*

– Станислав Иосифович и Нина Евгеньевна не просто обожали Андрея – это было какое-то служение сыну. А Андрюша манипулировал ими, как хотел. Помню, собирались в Дом кино, опаздывали, так мама давай гладить его одежду, а папа – ботинки ему чистить... Станислав Иосифович никогда не повышал голос. Он был из польского аристократического рода, и порода в нем чувствовала-

лась. А Нина Евгеньевна родилась на окраине Москвы, в деревне Богородское, и Станислав Иосифович из-за этого часто над ней подтрунивал. Она была прекрасной хозяйкой. За мужем ухаживала, как настоящая медсестра. Станислав Иосифович, как настоящий мужчина, никогда не ныл, не скулил, хотя испытывал постоянные боли в ноге – на войне он получил тяжелое ранение, развилась гангрена, ему ампутировали ногу ниже колена, и всю оставшуюся жизнь он носил протез. Он часто говорил жене: «Нинуська, ты у меня лучше всех». И она все ему прощала. Прошло столько лет, а у меня остались огромная любовь и благодарность

к этим людям. Я их называла «мама» и «папа». Они многому меня научили – умению принимать гостей, любви к старинной мебели, красиво встречать Новый Год. Часто вспоминаю, как уезжала на съемки, а папа аккуратно заворачивал мне в фольгу бутерброды с домашними котлетами или с осетринкой. Как постоянно смеялась во время семейных ужинов, потому что он без конца рассказывал анекдоты, смешные истории из своей жизни, шутил. Нина Евгеньевна привила мне любовь к цветам, у нее были, как говорится, «зеленые пальцы» – она могла посадить любую веточку, и все цвело. Они, хоть и были народными артистами, но долго не могли купить себе дачу, у них не было больших денег. Нина Евгеньевна шутила, что Стасик специально не покупает дачу, зная, что она будет постоянно там жить, а за ним некому будет ухаживать. Когда наконец у них появилась дача под Выборгом, они прожили там счастливый кусок жизни – он ловил рыбу, коптил, кормил всех на Выборгских фестивалях, а Нина Евгеньевна сажала цветы. Она могла играть и королев, и простых женщин, но все положила на алтарь семьи.

– *Давайте вернемся к началу. Как вы познакомились с Андреем?*

– Однажды мы с Мариной Степановной Орловой, ассистентом режиссера фильма «Моя Анфиса», стояли возле «Мосфильма» – я приехала на озвучание картины «Сцены из семейной жизни». Мимо пробежал Андрюша. Он поздоровался с Орловой, бросил взгляд на меня, и его бездонные голубые глаза произвели на меня огромное впечатление. Видимо, я ему тоже понравилась. Через неделю звонок – Марина Степановна говорит: «У нас последний съемочный день в «Денисе Давыдове», выручи, пожалуйста, надо потанцевать в сцене на балу». Я очень удивилась – предложение было «не по статусу», ведь я уже играла главные роли. Но она меня уговорила. Прихожу, все сняли, все хорошо. А потом – это традиция последнего съемочного дня – была «шапка»: участники съем-

ки сбрасываются деньгами, у кого сколько есть, покупается вино и отмечается окончание съемок. Я бросила рубль и собралась уходить, а Андрей говорит: «Ты куда, ты же рубль бросила, оставайся». Я осталась. Сидела рядом с Андрюшей. После «шапки» он нам с Мариной Степановной говорит: «А пошли ко мне домой чай пить». Я стеснительная была, отнекивалась, но он уговорил, да и Марина Степановна шепнула: «Пойдем, раз приглашают». Пришли. Дверь открыла мама с котом на плече. Папа, видимо, спал, но тут проснулся... Станислав Иосифович мне сразу понравился: с большим юмором, очень доброжелательный. Тогда он мне показался старым, а ему было всего пятьдесят с небольшим. За беседой выяснилось, что в «Моей Анфисе» мы играли вместе с Ниной Евгеньевной, но не пересекались в кадре. Позже я узнала, что они потом звонили режиссеру «Моей Анфисы» Эдуарду Гаврилову, интересовались, кто я, что за человек. В общем, ко мне сразу отнеслись с большим вниманием, я очень им понравилась... Вскоре по-

сле знакомства у меня была премьера фильма «Сцены из семейной жизни» в Доме кино. Я пригласила Андрея. И он сказал: «Ты такая же талантливая, как маменька» – маму маменькой называл. Ему нравилось, что мной можно гордиться. Месяца через два мы пошли с ним на какой-то фильм. Он проводил меня до дому, мялся, мялся и вдруг говорит: «Выходи за меня замуж». Я спросила: «А ты хоть меня любишь?» – «Ну да». Поцеловались и разошлись. Я пришла домой и от напряжения рухнула спать. Вдруг меня будит звонок – Станислав Иосифович. Голос радостный: «Ой, Маришка, привет! Мы тут сидим с Вячеславом Васильевичем Тихоновым, тебя вспоминаем. Приходи к нам почаще, мы так рады!» Видимо, узнал, что Андрюша сделал мне предложение. А дальше получилось вот как. Я сменила съемную квартиру, Андрюша из армии звонил несколько раз поздно вечером, а ему бывшие хозяева грубо отвечали, что меня нет. У него закралось подозрение – где я могу быть так поздно. А мне и в голову не приходило, что у

Андрей Ростоцкий в фильме «Дни Турбиных»

него могли возникнуть какие-то сомнения. Я же сибирячка с твердыми правилами: все, что дальше поцелуя, – только после свадьбы, не раньше. В общем, возникло недопонимание, и Андрей перестал мне звонить. Возможно, на этом все и кончилось бы, потому что я сама никогда бы ему не позвонила. Но вдруг в конце декабря звонит Нина Евгеньевна: «Мариночка, куда ты пропала? Приходи к нам на Новый год». Папа с Андрюшей заехали за мной, купили на рынке арбуз по цене самолета. Пришли соседи, несколько друзей, мы весело встретили Новый год. Помню, подруга Нины Евгеньевны принесла какую-то «грушу по-императорски», диковинное по тем временам блюдо, да еще зимой, и сказала фразу, которая мне запомнилась: «На свете мало счастья, но много маленьких радостей». Была елка, под ней лежали подарки для каждого из гостей. Мне предназначался сделанный Андрюшей стек из натуральной кожи с записочкой: «Стек для лошади и для мужа». Он водил меня на выездку и гордился, что я хорошо сижу в седле. Я помню все его подарки, они всегда были творческие, с выдумкой. Например, замшевая сумка и открытка к ней: «Все деньги трудно заработать, еще труднее их скопить, сия сума тебе поможет по крайней мере их хранить». Ну, а свадьба получилась скромная. Нины Евгеньевны не было, она попала в больницу. Мы к ней потом заехали, и она сказала: «Наконец-то, сынок, ты счастлив!»

– Случались ли в семье разногласия по творческим вопросам? Например, на фильме «Эскадрон гусар летучих», где Ростоцкий работали вместе.

– С «Эскадроном» – сложная история. В роли Дениса Давыдова должен был сниматься Костя Райкин, у него получились прекрасные пробы, которые очень нравились режиссеру фильма Никите Хубову. Но фильм снимался в «Третьем объединении», а им руководил Станислав Иосифович. Андрюша сказал: «Я хочу играть эту роль!» И стал сниматься. Но Андрюше было 23 года, а Давыдову – 29 лет. Поэтому ему чего-то

Кадр из фильма «Доживем до понедельника»

не хватило. Решили исправить ситуацию, дописали какие-то сцены, перемонтировали и еще полмесяца переснимали. Этим занимался уже сам Станислав Иосифович. В титрах фильма он значится под фамилией Степанов. Вообще он часто давал нам профессиональные советы. Мне, например, говорил: «Не делай курью гузку в кадре!» А Андрюше: «Не задирай бровки!» Советовал: «Никогда не играй отрицательные роли, тебе никто не поверит и могут даже невзлюбить, как персонаж Валентины Владимировой из фильма «Белый Бим Черное ухо». Я, памятуя его советы, до сих пор отказываюсь играть отрицательных героинь. А что касается творческих разногласий... В тот период и мне, и Нине Евгеньевне приносили кучу сценариев. Но если режиссер был в плохих отношениях с ее мужем, или Росточкиму не нравился сценарий, то она, талантливая актриса, отказывалась от роли. Предполагалось, что я буду вести себя так же. Мне предложили роль в фильме «Яблоко на ладони», но Росточкие не дали мне

даже на пробу поехать, потому что папа не дружил с режиссером. Станислав Иосифович пытался запретить мне сниматься и в «Доходном месте», потому что лично ему не нравилась модернизированная классика. В картине были заняты Табаков, Быков. Я пошла наперекор, отстояла свое решение и сыграла эту роль.

– Простите, что спрашиваю – у вас не было детей...

– Не получалось. А у Андрея уже была дочь. На съемках фильма «Запасной аэродром» он познакомился с актрисой Тамарой Мироновой и, видимо, сильно влюбился. Родилась дочка. Но Миронова была замужем, старше на 9 лет и, по слухам, выпивала – в общем, никак не подходила семье Росточких. Андрею пришлось с ней расстаться... Как я потом выяснила, это была большая семейная драма. Андрея увезли подальше от Москвы, в Сингапур, чтобы отвлечь. Мама боялась, что они потеряют сына. Андрей уходил из дома, Нина Евгеньевна вставала на колени и умоляла: «Только не уходи!» Это была

юношеская большая страсть, которую оборвали, запретили... И тут появилась я. Он влюбился в меня и был благодарен за мою порядочность.

– Почему же все-таки ваша семейная жизнь не сложилась?

– Мы были слишком молоды. Я чересчур сильно его любила, а это никогда не идет на пользу отношениям. «Доброжелатели» нашептывали мне всякие истории об Андрюше. Думаю, и ему тоже нашептывали... К тому же, я очень много снималась – мне надо было отвлекаться от грустных мыслей по поводу начавшихся Андрюшиных измен. А это означало отлучки из дома, что тоже не укрепляло семью. Кроме того, мне хотелось, чтобы он играл более интеллектуальные роли, чтобы общался с более интересными актерами – типа Олега Даля, например. Я правильные вещи ему советовала, но некоторые люди советовали что-то другое – с учетом своих интересов... В театре он не хотел играть, это было не его. В полной мере Андрей реализовался не как актер, а как каскадер. Знаете, какая у него в детстве была кличка? «Бешеный»! Из-за небольшого роста он немного комплексовал и считал, что лучше пусть боятся, чем смеются. Как-то он подарил другу плакат с надписью: «Люби вино и женщин, все остальное тлен». Такой гусарский инфантилизм с серебряной ложкой во рту. Он был сорвиголова, экстремал, любил убежать от контроля в экспедицию, адреналин любил... Я в тот период много плакала... Как-то он подарил мне кольцо с жемчужом, а жемчуг, как известно, к слезам. То есть, подарок со смыслом – сиди и плачь. Я обиделась: «Не нужно мне такое кольцо!». Потом Нина Евгеньевна меня ругала: «Да даже если бы он тебе кольцо смерти подарил, ты должна быть благодарна!» Конечно, я тоже виновата – надо было сдерживаться, играть, «лицо делать». Но я в жизни не актриса, не умею притворяться. При разводе я была на грани помешательства, даже покрестилась... Другом Андрюше я еще не стала, не успела. Теперь понимаю, что им нужна была вторая Нина Евгеньевна,

Марина Яковлева, Станислав и Андрей Ростоцкие

ее копия: всепрощающая, сидящая дома...

– *Говорят, Нина Евгеньевна умела прощать мужа...*

– Я когда-то играла в спектакле «Опасные связи», там есть реплика: «Нет большей победы, чем победа одной женщины над другой». Так вот, Нина Евгеньевна победила всех женщин Станислава Иосифовича. Как он сам ей говорил: «Ты же знаешь, я от тебя никуда не денусь».

– *Она пыталась передать вам свою мудрость?*

– Когда у нас с Андреем начались конфликты, Нина Евгеньевна давала мне какие-то советы: «Не делись с подружкой, а делись с подушкой. Помни, как подруга Фатеевой Кустинская увела у нее космонавта Егорова». Но, по большому счету, мне не с кем было посоветоваться насчет Андрея. Однажды я поделилась с соседкой Марьяной, что он мне изменяет. И она посоветовала: «Если он тебе скажет, мол, давай разводиться, отвечай спокойно: «Давай». И он никуда не уйдет».

Так я и сделала. А Андрей ушел. Его родители пытались помешать нашему разводу, а он уже словно назло им делал. Через какое-то время он женился на той самой соседке Марьяне, и они стали жить в нашей бывшей квартире.

– *Вы встречались после развода?*

– В 1983 году снялись в фильме «Петля». Потом как-то раз вместе выступали где-то, и он предложил: «Давай подвезу домой». Мы так хорошо разговорились в дороге, что, казалось, снова можно было роман завести – душа в душу... Больше я его не видела. А в мае 2002 года мне позвонили и сообщили, что Андрюша сорвался с 30-метровой скалы у водопада «Девичьи слезы» в окрестностях Сочи – он там выбирал место для съемок своего фильма «Моя граница». Андрюша пережил отца всего на девять месяцев...

– *С его гибелью связаны мистические вещи...*

– Он погиб на Пасху, 5 мая. Когда ребята из съемочной группы

предложили устроить в этот день выходной, Андрей сказал: «Да ладно, ну что мне, старому буддисту, Пасха?» Нельзя было так говорить, плохая шутка. Накануне вечером Андрюша во время застолья пролил кетчуп и улыбнулся: «Вот уже и кровь пролилась на съемках». Кому-то из съемочной группы накануне приснился сон, как будто Андрюша говорит: «У меня зуб сломался». После его падения обнаружилось, что зуб действительно сломался... Мать все время за него боялась, зная его бесшабашность и стремление к неоправданному риску. Чувствовала, что это плохо кончится. Провожая его в экспедиции, Нина Евгеньевна всегда просила: «Только осторожно, не торопись...» Мне иногда снится, будто он меня целует в щеку, и я просыпаюсь счастливая, с ощущением, что он меня любит. Для меня это была огромная любовь, чистая прекрасная. Как бы все ни кончилось, но я встретила в жизни своего принца на белом коне, а ведь многим это не удалось...

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые

О том, что трагическое время возвышает людей, что жить в эпоху перемен непросто, но именно в такой период человек становится свидетелем и участником значимых исторических событий и, таким образом, получает шанс на бессмертие в памяти потомков.

Источник: стихотворение Ф.И. Тютчева «Цицерон»:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ

зритель,

Он в их совет допущен был –
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Блеск и ницета

О противоречивых сторонах какого-либо явления, одновременно – о взлете и падении, о величии и убожестве кого-либо или чего-либо.

Источник: название романа Оноре де Бальзака «Блеск и ницета куртизанок».

Блистать своим отсутствием

Briller par son absence (фр.).

О демонстративном, сознательном отсутствии кого-либо, что привлекает к отсутствующему всеобщее внимание.

Иронически: о нехватке чего-либо.

Источник: эпизод из «Анналов» Тацита, в котором описываются похороны жены Кассия и сестры Брута (22 г. н.э.), на которых, по древнему обычаю, изображения родственников

умершей, но среди них не было ни брата, ни мужа: «Кассий и Брут блистали именно благодаря отсутствию своих изображений». Выражение приобрело популярность благодаря трагедии «Тиберий» Мари-Жозефа де Шенье, в которой говорится: «Брут и Кассий блистали своим отсутствием».

Блицкриг

Blitzkrieg (нем.) – молниеносная война.

Военная стратегия боевых действий, позволяющая стремительно разгромить и захватить территорию противника.

Источник: книга Шарля де Голля «К профессиональной армии» (1934 г.), в которой приводится теория данной стратегии. Само выражение появилось в 1935 г. в журнале «Deutsche Wehr» («Немецкая армия»), а спустя три года было повторено в книге Фрица Штернберга «Германия и молниеносная война» («Germany and Lightning War»), изданной в Англии.

Методику блицкрига применяли гитлеровские генералы во время войны с Францией, Польшей и пытались применить в войне с СССР. Она состояла в следующем. Сначала наносила свой удар пятая колонна, дезорганизуя тыл противника. Затем следовал мощный бомбовый удар военно-воздушных сил, выводящий из строя самолеты противника еще на аэродромах, транспорт и коммуникации. Потом авиация наносила бомбовый удар непосредственно по скоплениям войск противника. И тогда в бой вступали мобильные подразделения – мотопехота, легкие танки и

самоходная артиллерия, за которыми следовали тяжелые танки. Затем на территорию противника вводились регулярные пехотные части, поддерживаемые полевой артиллерией.

В Польше и во Франции блицкриг принес Германии победу, но в СССР «молниеносная война» затянулась, стала «тотальной» (до полного истощения одной из сторон) и закончилась победой СССР.

Блоху подковать

Сделать что-то очень сложное, практически невыполнимое, проявить необыкновенную изобретательность, смекалку и тонкое мастерство.

Источник: русская народная прибаутка: «Англичане из стали блоху сделали, а наши тульские кузнецы ее подковали, да им назад отослали». Эта присказка легла в основу рассказа Н.С. Лескова «Левша» и стала крылатой.

Блудница вавилонская

Шутливо-ироническое определение распутной женщины.

Источник: «Откровение Иоанна Богослова» (гл. 17, ст. 1-5): «Я покажу тебе суд над великою блудницею... Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным». Во время составления библейских текстов Вавилон воспринимался христианами как средоточие пороков, и образ блудницы обличал развратный языческий город. Позднее это выражение стали понимать и применять буквально: «Что делает Вавилонская блудница Анна Петровна?» (А.С. Пушкин об А.П. Керн, из письма к А.Н. Вульфу от 7 мая 1826 г.)

Памятник Василию Шукшину
на горе Пикет близ села Сростки
(Алтайский край).
Монумент подарен малой родине
В.М. Шукшина автором –
московским скульптором
Вячеславом Клыковым.
Архитектор – Виктор Пасенко.

ЧЕМПИОНАТ ЕВРОПЫ ПО ФУТБОЛУ-2024. ПЕРВЫЙ ГОЛ СБОРНОЙ ГРУЗИИ
Фото: UEFA EURO 2024